

The background of the cover is a vibrant, stylized illustration of a city skyline at night, with numerous skyscrapers and glowing windows. A complex web of white spider webs is draped across the entire scene, with several golden, glowing spheres suspended from the threads. In the center, a person in a dark hooded cloak stands with their back to the viewer, looking out over the city. The overall color palette is dominated by warm oranges, yellows, and blues.

АНДРЕЙ СТОЕВ

ЗА ПОСЛЕДНИМ
ПОРОГОМ
ПАУТИНА

КНИГА 2

Литрес

За последним порогом

Андрей Стоеv

**За последним порогом.
Паутина. Книга 2**

«Автор»

2024

Стоев А.

За последним порогом. Паутина. Книга 2 / А. Стоев — «Автор»,
2024 — (За последним порогом)

Вторая часть пятой книги «Паутина»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Стоев

За последним порогом. Паутина. Книга 2

Пролог

Дом Драганы оказался на удивление небольшим – примерно как наш старый дом в Кропотовом. Довольно скромно для человека её положения – похоже, она не из тех, кто видит красоту в золотых унитазах. Такая скромность достойна уважения, хотя впечатление немного портил адрес – дом с садом расположен в тихом переулке буквально под стенами Детинца. Даже затрудняюсь предположить, сколько может стоить такой участок, и совсем не удивлюсь, если сумма будет сравнимой со стоимостью нашего поместья.

Останавливаться перед воротами мне не пришлось – они сами открылись перед моим лимузином. Драгана явно проинструктировала своих слуг насчёт машин с нашим гербом – хоть и ожидаемо, но всё же приятно. Звонить в дверь тоже не понадобилось – она отворилась, едва я приблизился. Дверь открыла молодая и очень симпатичная девушка, одетая как служанка.

– Здравствуйте, господин Кеннер, – приветствовала она меня с лёгким поклоном.

Надо же! Неужели я и в самом деле становлюсь публичной личностью? В общем-то, вполне нормально, что служанка в аристократическом доме знает основные гербы, но с чего бы ей узнавать меня в лицо? Или хотя бы знать, что в семействе Арди только один мужчина?

Что-то в этой служанке казалось мне неправильным, и я незаметно к ней присмотрелся. Действительно, что-то с ней не то. Слишком уж красивая – такая красавица легко могла бы найти работу получше или, на худой конец, завести себе богатого папика. А потом я встретил её взгляд – очень внимательный и слишком умный. Взгляд, которого не могло быть у обычной девушки-служанки. Она тут же опустила глаза, но я уже всё понял. Если и были какие-то сомнения, они тут же развеялись, когда я заметил, что перед тем, как опустить глаза, она посмотрела слегка расфокусированным взглядом как бы сквозь меня. Именно такой взгляд я вижу почти каждый день на боевой практике, когда мой противник отслеживает возмущения Силы. И ранг у этой служанки определённо не четвёртый. На Высшую она не похожа, а вот Старшей может и быть.

– Здравствуйте, госпожа, – учтиво ответил я, вернув ей поклон. – Я хотел бы навестить сиятельную. Это возможно?

Она досадливо фыркнула, но тут же взяла себя в руки.

– Сиятельная сейчас в постели.

– Моя мать настоятельно советовала ей именно это. Рад, что сиятельная не пренебрегла её рекомендациями.

Девушка немного поколебалась, но потом всё же решила доложить о настойчивом госте.

– Я выясню у сиятельной, может ли она вас принять. Присядьте пока, пожалуйста.

Я присел на одну из нескольких банкеток, стоящих у стены прихожей, а служанка – если, конечно, её можно так назвать, – направилась на второй этаж по красивой деревянной лестнице с резными перилами.

Я внимательно оглядел прихожую – мне ещё ни разу не приходилось бывать у Драганы дома, и интересной была каждая деталь. По дому можно очень многое сказать о человеке, и мне, конечно же, хотелось узнать Драгану чуть получше. Мы слишком сильно связаны, чтобы упускать хоть малейшую возможность получить представление о том, от кого в буквальном смысле может зависеть моя жизнь.

Увиденное произвело на меня самое благоприятное впечатление. Панели резного дуба, несколько со вкусом подобранных картин, ничто не режет глаз. Пусть Гана и была по рожде-

нию девчонкой из предместья, дочкой владельца маленькой мастерской, но она определённо сумела развить в себе хороший вкус. В обстановке совершенно не прослеживалась тяга к безвкусной роскоши, столь частая у разбогатевших простолюдинов. Всё было в меру – без показного богатства, но и без нарочитой бедности.

Сверху послышались тихие шаги, и я поднял глаза. Служанка спускалась вниз.

– Сиятельная распорядилась провести вас к ней, господин Кеннер, – сказала она, подходя ко мне.

– Следую за вами, госпожа, – вежливо ответил я вставая. А затем, вспомнив слова Алины про «девочек-лекарок», спросил: – Не припоминаю, чтобы мы с вами встречались, но предположу, что вы из рода Тириных?

Она еле заметно поморщилась, но кивнула. Я почувствовал, что смущаю её, и не стал расспрашивать дальше. Не представляю, зачем она нарядилась в униформу служанки, но она явно чувствовала себя неловко оттого, что я понял, кто она на самом деле. Наконец, мы дошли; она открыла для меня дверь, а когда я вошёл, аккуратно прикрыла её за мной.

Всё оказалось не так страшно, как я себе уже было представил. Это была вовсе не спальня тяжелобольной, а что-то вроде небольшой гостиной. Вполне одетая Драгана лежала на кушетке, укрывшись лёгким пледом. Встретила она меня слабой улыбкой.

– Выглядишь не очень, – заметил я, придвигая к кушетке стул и усаживаясь. – Была у мамы?

– Чувствую себя ещё хуже, – вздохнула она. – Да, была. Милослава сказала, что скоро станет лучше. Я сильно перенапряглась, но она обещает, что обойдётся без последствий.

– Я тебе принёс кое-какие вкусные вещи, – сказал я, разворачивая свёрток, который принёс с собой. – Как и положено носить больному. Правда, в лечебницу, а не домой, но всё равно.

– Зачем носить в лечебницу еду? – удивилась Драгана.

Опять я промахнулся. Здесь действительно нет необходимости носить больным еду. Насколько я знаю, даже в муниципальных лечебницах для бедных кормят очень хорошо – считается, что это способствует выздоровлению. Мои старые воспоминания довольно часто, а главное, совершенно неожиданно и не к месту вылезают наружу, отчего меня даже семья считает слегка странным.

– Просто еду не надо, – согласился я. – А я тебе принёс фрукты, источник витаминов и вообще.

Я наконец справился со свёртком и достал два яблока. Драгана смотрела на них с непонимающим видом, а потом перевела взгляд на стоящую на столике большую вазу с фруктами. Ситуация в самом деле выглядела ужасно глупо, и я невольно засмеялся.

– Это не просто фрукты, Гана. Иногда случается, что плод забирает в себя слишком много Силы и становится чем-то вроде очень-очень слабого сатурата. Продавать такие плоды нельзя, потому что для обычного человека попытка его съесть закончится плохо. А вот для нас – наоборот. Их очень мало попадает; в основном их съедают мама с Леной, ну и мне изредка что-то достаётся. Вот это они и есть. Мама сказала, что для тебя они будут особенно полезны.

Драгана с сомнением взяла одно из яблок, повертела его в руках, вглядываясь внутрь, затем откусила. Прожевала, вслушиваясь в себя.

– Странное ощущение, – заметила она. – Даже пьянит немного. Но я понимаю, почему вы это никому не продаёте.

– Да просто их слишком мало, – хмыкнул я. – Нечего продавать. Одно яблоко съешь сейчас, а второе оставь на завтра. Есть их нужно не торопясь. И следи, чтобы тиринские девицы его случайно не съели. Они недостаточно сильные, для них это может оказаться отравой.

– Не беспокойся, я всё поняла, – кивнула Драгана, со вкусом вгрызаясь в яблоко. – Кстати, Дина мне пожаловалась, что ты с первого взгляда распознал, кто она на самом деле. Как ты это понял?

– О, этот секрет стоит недёшево, – предвкушающе улыбнулся я. – Но я готов его тебе открыть, если ты расскажешь, что делала во время дуэли, и почему всё вокруг менялось.

– Открывай, расскажу, – она с любопытством посмотрела на меня.

– По взгляду. У слуг не бывает такого оценивающего взгляда. Если ты замечаешь, что зайчик присматривается, как бы половчее откусить от тебя что-нибудь, то скорее всего, это волк, и не надо обманываться ушками и хвостиком. К тому же Владеющих легко можно узнать по глазам, когда они вглядываются в поле Силы. Ну а когда я понял, что это Владеющая, сразу вспомнил, что Алина собиралась прислать к тебе своих лекарок.

– Действительно, просто, – засмеялась Драгана. – Нельзя слушать описания фокусов, вся магия уходит.

Ага, могу себе представить, как она разинув рот смотрит фокусы и пытается найти там магию. Думаю, она любой фокус способна повторить, причём по-настоящему.

– Ты обещала, – напомнил я.

– Да расскажу, расскажу, – махнула рукой она. – Никакого секрета там нет, тебе это, наверное, могла бы и мать рассказать. Ты знаешь, что такое лес вероятностей?

– Это то, чем умел управлять Кеннер Ренский?

– Ну, «управлять» – это слишком уж громкое слово. Правильнее будет сказать, что он умел на него влиять. Я благодаря ему и выбрала это направление. Мне до него ещё очень далеко, но кое-чему я уже научилась.

– И как это работает?

– Каждое мгновение какие-то события в мире могут произойти или не произойти. Этих крупных и мелких событий бесчисленное множество, и мир может двинуться по любому из бесчисленного количества путей. Будущее любого объекта можно представить в виде дерева возможных событий и возможных исходов, а весь набор вероятностных деревьев называется лесом вероятностей. Каждое мгновение из каждого дерева выбирается только одна ветка, а остальные отмирают. Вместе эти ветви и определяют, каким будет следующее мгновение мира. Это, конечно, очень упрощённо, потому что деревья между собой переплетаются, и получается что-то среднее между лесом и паутиной. Но в целом это довольно несложно себе представить. Сложность в другом.

– Каким образом выбирается единственная ветка?

– Верно, Кеннер, – одобительно кивнула Драгана. – Думаю, я услышу немало интересных вопросов от тебя, когда начну читать лекции вашему курсу. Так вот, ветви вероятности выбираются суммарной волей всех душ мира. Есть даже любопытная теория, что существуют области Вселенной, где нет живых существ, некому формировать мир, и там до сих пор присутствует только несвязанное Сияние. И если туда попасть, то можно своей волей создать что угодно. Свой собственный кусочек мира, ограниченный только твоим воображением.

– Звучит заманчиво, – призадумался я, – но у меня есть сомнения, что всё так просто.

– У меня тоже, – согласилась Драгана. – Точнее говоря, я даже считаю, что это не так. Люди не сталкиваются с Сиянием напрямую и склонны забывать, что у него тоже есть воля, и именно воля Сияния формирует наш мир. Мы можем только немного изменить его в деталях. Возможно, в каких-то уголках Вселенной таких возможностей немного больше, но не стоит рассчитывать, что удастся стать творцом.

– То есть ты выбрала ту ветку вероятности, в которой Киса перестала существовать? И ты так можешь сделать с каждым?

– Если бы, – усмехнулась Драгана. – Есть масса ограничений. У меня получилось потому, что атака Кисы убила всё живое вокруг, потому, что она не умела этому сопротивляться, и потому, что мне помог твой сатурат. Конечно, бездарного стереть было бы гораздо проще, но какой смысл это делать? Он раньше умрёт от флуктуаций Силы.

– А как помогло то, что Киса убила всё живое?

– Каждая травинка имеет свои ожидания от мира, и сопротивляется твоим изменениям. Легче всего менять мир в пустыне, но зачем это нужно в пустыне?

– Очень интересная тема, – заметил я, прикидывая перспективы. – Не исключено, что я тоже этим займусь.

– Я бы не советовала, – хмыкнула Гана, аккуратно обгрызая сердцевинку яблока. – Возможности огромные, но пройдёт очень много лет, прежде чем твои способности станут чем-то, с чем стоит считаться. Не самый простой путь. Я, конечно, впечатлила всех, кроме разве что Милославы, но это было первым серьёзным применением способности, которую я упорно развивала больше сотни лет. К тому же не стоит забывать про поддержку от сатурата.

– Да, это минус, – кивнул я. – Но всё равно, на эту тему стоит подумать.

– Подумай, – пожала плечами Драгана. – Я бы хотела поговорить о другом. У меня есть для тебя хорошая новость...

Я слегка насторожился. Хочется верить, что эта новость окажется хорошей именно для меня, а не для Драганы или для кого-то другого.

– ... Ко мне заезжал Яромир, и мы немного поговорили о тебе...

Вот в этом месте я уже насторожился всерьёз. Что-то хорошее из князя надо выдирать зубами, а в то, что он сам вдруг решил меня облагодетельствовать, я не поверю ни на секунду.

– В ближайшее время состоится изъятие излишнего имущества Греков, и мы решили, что кое-что должно достаться Арди.

Ну вот и прояснилось. Князь полностью оправдал мои ожидания – я уже привык, что имея с ним дело, нужно держаться за карманы, а ещё лучше их просто зашить.

– И что я должен для этого сделать? – на всякий случай я решил попросить уточнения, в котором, в принципе, не нуждался.

– Немного потрудиться придётся, конечно, – поощрительно улыбнулась мне Драгана. – Семейство Греков нужно будет слегка приземлить, вот и поучаствуешь.

Да, конечно, Кеннер помчался разить врагов князя вот прямо немедленно.

– Гана, если ты ожидаешь, что у меня загорятся глаза, и я закричу «Да-да, я готов», то ты ошибаешься. Я не против того, чтобы увеличить богатство семьи, но всё имеет свою цену, и цена имущества Греков для меня может оказаться слишком высокой.

– О какой цене ты говоришь? – нахмурившись спросила она.

– Такой поступок убьёт мою репутацию. Неспровоцированное нападение, особенно сейчас, когда у Греков возникли проблемы, сделает меня в глазах общества беспринципным стервятником. И цепным псом князя. Мне от этого будет не отмыться. Скажи, зачем мне это? Что я могу получить такого ценного, чтобы платить вот этим вот?

Драгана помрачнела. Она определённо не рассчитывала на подобный поворот разговора. Она, конечно, не воспринимает меня совсем уж тупым малолеткой, но всё же наша разница в возрасте наверняка оказывает какое-то влияние, и она раз за разом ошибается.

– Например, ты мог бы и в самом деле стать главой Работного приказа.

– Брось, Гана, это уж совсем несерьёзно, – поморщился я. – У меня для этой должности нет ни нужной квалификации, ни достаточного авторитета. Это значит, что реально управлять приказом будет назначенный князем заместитель, а я буду просто вывеской. И тем, кого при необходимости можно сделать крайним.

– Ты слишком пессимистично это воспринимаешь, – возразила она.

Я посмотрел на неё с ироничной улыбкой и ничего говорить не стал.

– Ну хорошо, здесь я с тобой соглашусь, – сдалась она. – Пост главы приказа тебе сейчас мало что даст. Но посмотри на ситуацию вот с такой стороны: ты прочно ассоциируешься со мной и с князем. Почему ты считаешь, что Греки оставят тебя в покое? Ты для них враг, и они не упустят возможности как-то тебе напасть.

– И возможно, ты их как-нибудь к этому подтолкнёшь, – улыбнулся ей я.

Драгана посмотрела на меня возмущённым взглядом.

– Ладно, ладно, извини, – поднял я руки. – Ты не станешь делать ничего такого. Это сделает князь, верно?

Она ничего не ответила, и я окончательно уверился в своей догадке.

– У меня нет к тебе претензий, – заметил я. – Думаю, ты и в самом деле ничего подобного делать не станешь и князю не будешь такого советовать. Ему и не надо ничего советовать, он у нас сам мастер по таким штучкам. Я бы, пожалуй, даже удивился, если бы он ничего в таком духе не провернул. Я не стану держать зла ни на тебя, ни на него, но при условии, что вы сделаете это правильно.

– А правильно – в твоём понимании это как? – заинтересовалась Драгана.

– Понимаешь, я тебе совершенно серьёзно сказал насчёт репутации. Меня этот вопрос в самом деле очень заботит. У меня уже сложилась более или менее устойчивая репутация человека чести, с которым можно иметь дело, и который всегда придерживается договорённостей, причём их духа, а не только буквы.

– Это действительно так, – согласилась Драгана. – Многие считают, что ты жестковато играешь, но при этом все соглашаются, что упрекнуть тебя не в чем.

– Вот поэтому я и не стану первым нападать на Греков. У меня просто нет ни малейшего повода для этого, и если я так поступлю, то буду выглядеть шакалом, который торопится урвать кусок.

– Я знаю очень многих людей, которых подобное соображение не остановило бы, – заметила она. – Да что там, они об этом даже и не задумались. А тебя с такими речами посчитали бы дурачком, извини за откровенность.

– Думаешь, для меня это новость? – усмехнулся я. – Я и сам немало таких людей знаю, можем даже при случае сверить наши списки. Но я считаю, что они ошибаются и в конечном итоге потеряют гораздо больше, чем приобретут. Деньги приходят, уходят, снова приходят, а вот испорченную репутацию починить невозможно.

– В общем-то я с тобой согласна, – кивнула она. – Но продолжай, пожалуйста, извини, что прервала.

– Так вот, о том, как сделать это правильно. Предупреди меня заблаговременно. Дай мне всю доступную информацию. И сделай так, чтобы Греки пусть бы разозлились на меня, но чтобы это не стало для них личным делом, понимаешь?

– Справедливый запрос, – согласилась Драгана. – Можешь на меня положиться, я сделаю всё, что в моих силах. И присмотрю, чтобы люди князя не увлеклись.

– Кстати, меня беспокоит ещё один момент, – вспомнил я. – Ты вообще понимаешь, что моих сил маловато, чтобы справиться с Греками? Даже если они не станут привлекать своих союзников.

– А ты не забыл, что у тебя тоже есть союзники? – снисходительно хмыкнула Драгана. – Тебе поможет Алина. И я уверена, что Ренские тоже не оставят тебя один на один с группировкой Греков.

А ещё князь таким образом воспользуется мной, чтобы подтянуть Ренских к себе поближе. Всё-таки трудно иметь дело с настоящими интриганами. У них как у шулеров, в каждом кармане по тузу.

– То есть я буду кем-то вроде задиристого мальчика, которого шайка посылает вперёд, чтобы начать драку?

– Ну у тебя и аналогии, – поморщилась она. – Даже не хочу это комментировать. И если уж говорить твоими терминами, то драку начнёшь не ты. Начнут другие – те, кого ты так изящно отнёс в категорию шакалов.

Пожалуй, в таком варианте дело выглядит не так уж плохо, а скорее, даже заманчиво. Набрать очков у князя, немного ограбить группировку Греков, и при этом выглядеть миро-

любивым, но гордым малышом, который просто защищался от плохих дядей. Ну то есть всё, как я люблю.

Глава 1

– Ну всё, хватит тянуть время. Долгие проводы – лишние слёзы. Арди, пошёл! –скомандовал Менски, и я пошёл.

А дело было так – сегодняшние занятия по боевой практике начались с неожиданной новости:

– У нас сегодня будет не совсем обычное занятие, дети, – ласково сказал Менски тоном доброй няни, и все мы немедленно напряглись. – У нас с вами сегодня семестровая контрольная.

Мне тут же представилась картина, как мы, мусоля карандашики, старательно отвечаем на вопросы из билетов. Картина выглядела привлекательно, но явно была оторвана от жизни, и я со вздохом сожаления выкинул её из головы.

– Как будет протекать эта контрольная, наставник? – задал я волнующий всех вопрос.

– Замечательно будет протекать, – хищно улыбнулся Генрих. – Как всегда у госпожи Леи. Вы наверняка помните, как превосходно она провела ваш экзамен. Так что не волнуйся, Арди, всё будет на высшем уровне.

– А почему нас не предупредили? – возмущённо спросила Дара, и остальные тоже что-то забурчали.

– А ну замолчали, – скомандовал Менски. – Скажи-ка, Селькова – ты полагаешь, что противник должен заблаговременно предупреждать тебя о предстоящей атаке? Или даже согласовывать с тобой время, когда ты будешь готова её отразить?

– И где у нас тут противник? – резонно возразила Дара.

– Вот сейчас это было обидно слышать, – расстроился Генрих. – Получается, мы здесь напрасно стараемся, и ты до сих пор не воспринимаешь своих преподавателей всерьёз? Я передам госпоже Лее, что на тебя надо обратить особое внимание.

Дара открыла было рот, чтобы высказать какое-то негодующее замечание, но заметив, с каким интересом Менски на неё смотрит, закрыла рот и предпочла промолчать.

– Ничего не хочешь сказать? – разочарованно спросил тот.

Дара молчала, хмуро на него глядя. Остальные тоже не торопились с комментариями, внезапно осознав, что за каждое слово придётся дорого заплатить.

– Вы должны ценить, лодыри, что ваши преподаватели максимально облегчили для вас эту контрольную, – заявил Генрих, разглядывая наши мрачные физиономии. – Во-первых, вам придётся проходить только один небольшой коридор – оценок, как на экзамене, не будет, просто зачёт-незачёт. Во-вторых, вас предупредили заранее, и вы имеете возможность подготовиться. Правильнее было бы полностью имитировать внезапное нападение – скажем, вы неожиданно проваливаетесь в тестовый коридор, и вас со всех сторон начинают атаковать. Но мы предельно упростили задачу для вас, бездельников, а вы ещё чем-то недовольны.

Он укоризненно покачал головой, изображая искреннее расстройство нашей неблагодарностью, и обвёл нас взглядом, явно ожидая, что кто-нибудь решится заговорить.

– Вопросы, пожелания, претензии? – спросил он с надеждой.

К третьему курсу мы уже достаточно хорошо понимали, чем кончаются пожелания и претензии, и высказываться не торопились. Даже удивительно, что Дара так прокололась – видимо, от неожиданности.

– Похвально, похвально, – кивнул Генрих. – Приятно видеть таких увлечённых студентов. Так не будем же терять времени, госпожа Лея уже ждалась нас в нашем уютном подвале.

И мы потянулись вслед за ним. В этой секции подвала мы ещё не были, но разницы с экзаменационным блоком не было ни малейшей – такие же грубо обработанные базальтовые стены

и очень похожие обитые железом двери. Здесь же находилась и та самая госпожа Лея Цветова, которая нас зажала. Впрочем, если она по нам и скучала, то никак этого не показывала.

– Опять привёл своих травоядных, Гени? – спросила она, безразлично нас оглядывая.

– Сделай из этих мальчиков мужчин, Лея, детка, – пафосно заявил Генрих.

– Из девочек тоже мужчин будем делать? – спросила Лея, и они на пару радостно заржали.

Я только вздохнул про себя. Фраза «армейский юмор» возникла не на пустом месте, у воjak и в самом деле есть склонность к тупым шуткам. Возможно, интеллект несовместим с кулаками, а может, они всего лишь смотрят на жизнь просто и не любят усложнять.

– Давайте быстро переодевайтесь, и приступим, – распорядился Менски. – Первым Арди, потом Менцева, дальше Сельков, Беркина, а вот Селькову оставим напоследок. Представляешь, Лея – она заявила, что не видит в нас достойных противников.

– Интересно, – многозначительно протянула Цветова, оглядывая бедную Дару.

Как говорили бравому солдату Швейку на военной службе – «Maul halten und weiter dienen¹», и нас дрессируют по тому же универсальному принципу. Правда, Генрих любит представить это как свой садизм, но я думаю, это входит в обязательную программу. Боевик всегда должен быть готов к драке без всяких рассуждений и обсуждений, вот и из нас старательно выбивают штатскую расслабленность. Не удивлюсь, если к старшим курсам дело действительно дойдёт до внезапного падения в яму с ловушками или ещё чего-нибудь в этом роде.

Коридор выглядел очень похоже на хорошо запомнившийся мне экзаменационный коридор – такое же мерцающее тусклое освещение и такие же неровные базальтовые стены. Мечущиеся тени не давали ни малейшей возможности определить, где может скрываться ловушка. Я медленно двинулся вперёд, при этом не забывая, что у Леи есть способы простимулировать слишком осторожных студентов.

Долго ждать не пришлось – уже через пару шагов я почувствовал лёгкие всплески Силы и рефлекторно сделал что-то, что сам до конца не понял. Каменный шар слева пролетел у меня перед самым носом, а шар справа взъерошил волосы на затылке. Я что – искривил пространство? Они же оба наверняка летели мне в голову. Сила немного всколыхнулась где-то у ног – я немедленно подпрыгнул и выбросил лишние мысли из головы. Для размышлений сейчас было явно неподходящее время.

Двигаться было на удивление легко, особенно если вспомнить, насколько тяжело мне дался экзамен, который был меньше, чем полгода назад. Напрашивалось единственное объяснение – визит в нижний мир изменил меня, и я пока ещё не понимаю, каким образом и насколько. Конструктов я не строил, да и в моём случае они были бесполезны – скорость, с которой я мог их строить, была совершенно недостаточной. Попробуй я защищаться конструктами, и Лея просто забила бы меня своими подлыми ловушками.

Мне осталось всего лишь пара шагов до конца, когда сильный удар по голове сзади заставил меня упасть и в глазах у меня потемнело. Без сознания я был буквально секунду или две, очнулся почти сразу, и тут же в голову пришла паническая мысль, что надо срочно подниматься и двигаться дальше, а иначе зачёта мне не видать. Кое-как я вскарабкался на ноги – скорее на инстинктах, плохо понимая, что я делаю, и очень удивился, увидев совсем рядом перед собой стену. Я не сразу сообразил, что удар бросил меня вперёд, и я таким способом преодолел последние пару саженей коридора. Слева обнаружилась дверь выхода, и я, шатаясь, вывалился в неё.

– Сядьте сюда, Арди, – распорядилась целительница, и я с облегчением рухнул на кушетку.

Я почувствовал тепло, боль утихла, и голова прояснилась. Целительница сунула мне в руку салфетку.

¹ Закрой рот и служи (нем.)

– Сотрите кровь с шеи, – холодно сказала она. – Скажите, Арди, чем я вас не устраиваю?
– Простите? – удивился я. – Не понял, что вы имеете в виду, госпожа Дея.
– Ваша мать выразила желание быть целительницей вашей группы.
– Впервые об этом слышу, но я постараюсь убедить её, что это совершенно ни к чему, – пообещал я. – Наша мать временами немного слишком о нас беспокоится.

– Благодарю вас, господин Кеннер, – в голосе у неё заметно добавилось теплоты.

Дея отошла и занялась какими-то своими делами, а я остался сидеть, пытаюсь вспомнить и проанализировать свои ощущения в коридоре. Несколько минут ничего не происходило, а потом из двери появилась Ленка, прихрамывая и болезненно морщась.

– Ничего страшного, – объявила целительница, быстро её обследовав. – Ушибы окончательно пройдут к вечеру, до тех пор акробатикой не занимайтесь.

– Постараюсь не заниматься, – фыркнула Ленка. – Благодарю, госпожа Дея. Ты как, Кени? – уже мне.

– Нормально прошёл, но в конце пропустил удар, – вздохнул я. – Получил лёгкий нокдаун и опять перепачкался в крови.

– Я тоже в конце пропустила пару ударов, – пожаловалась Ленка. – Вообще не почувствовала откуда прилетело.

Мы сидели рядом молча, думая каждый о своём. Вскоре появился Иван, а затем и Смела. Помощи целительницы им не понадобилось, хотя какие-то ловушки они явно собрали. Зато Дара вывалилась из двери вся в крови и с безумными глазами. Целительница сразу плотно занялась ею, а Ваня со Смелой бестолково засуетились рядом.

– Жестоко, – вполголоса прокомментировал я.

– Но очень эффективно, – шепнула в ответ Ленка. – Как всегда у Генриха. Думаю, Дара больше никогда не откроет рот не к месту.

Тут в комнате появился и помянутый чёрт, то есть Менски.

– Все сдали, поздравляю! – громко объявил он. – Впрочем, я от вас ничего другого и не ожидал. Особо отмечу Селькову – прекрасный результат, учитывая, что она проходила по усложнённой программе. Из тебя выйдет толк, Селькова, особенно если ты, наконец, уяснишь, что язык должен следовать за умом, а не наоборот. И не делай такую физиономию – ты мне ещё спасибо скажешь. И твои будущие командиры тоже поблагодарят. Вот когда станешь заседать в Совете Лучших, тогда и будешь высказывать что хочешь, а боец не обсуждает приказы командования.

– То есть я могу обсуждать ваши распоряжения, наставник? – очень вежливо спросил я.

Генрих с недоумением посмотрел на меня, а потом до него дошло, и он недовольно скривился.

– Беру свои слова обратно, Арди. Студенты не имеют права голоса на моих занятиях, будь они хоть императорами Галактики. Всё, семья Сельковых свободна и радостно покидает наше общество, а с семьёй Арди я хочу поговорить отдельно.

Когда мы остались наедине с Менски, он уселся напротив нас и внимательно на нас посмотрел.

– Вы поняли, каким образом вы пропустили удары в конце коридора? – спросил он.

– Они не сопровождались движением Силы, – ответил я подумав.

– И там не чувствовалось никакого намерения, – добавила Ленка.

– Верно, – согласился Генрих. – Мы не сразу поняли, каким образом вы проходите коридор. С вашими вторичными характеристиками вы вообще не могли его пройти – у вас слишком низкая скорость построения конструкторов. Но мы с немалым удивлением обнаружили, что чувствительность к движениям Силы у вас как минимум на уровне Старших. Мы стали использовать только механические ловушки, но вы их тоже неплохо обходили. Достать вас получилось,

лишь когда мы заподозрили у вас сильную эмпатию и постарались как можно лучше спрятать намерение – и это, я вам скажу, было совсем непросто!

– И что из этого следует? – поинтересовался я. – Это против правил?

– Лея считает это в каком-то смысле жульничеством, но я с ней не согласен, – отрицательно покачал головой Генрих. – Этак мы любого Высшего объявим шарлатаном. Но кое-что в этом мне всё же неясно. Скажи, Арди – ты знаешь, почему мужчины редко бывают успешны как Владеющие?

– Я это как раз не очень хорошо понимаю, – отозвался я. – Вот, к примеру, – извините, если вопрос окажется слишком личным, – я не понимаю, почему у вас пятый ранг. Я уверен, что вы полностью соответствуете Старшему. То есть вы должны быть как минимум на два ранга выше.

– Именно поэтому, – пожал плечами Менски. – Потому что Сила плохо нам подчиняется. То, что женщины делают даже не задумываясь, от нас требует усилия. Частично это можно компенсировать мастерством, но при прочих равных женщина всегда будет далеко впереди.

– Алина Тирина однажды мне сказала, что для Силы женщины ближе, потому что женщины принимают мир как есть, а мужчины стараются переделать его под себя.

– Интересное объяснение, и скорее всего, верное, особенно учитывая, кто это сказал, – согласился Генрих. – Однако вернёмся к вам. Через меня прошло немало студентов, но про таких, как вы, никто из нас даже не слышал. Например, сегодня вы прошли коридор, не построив ни единого конструкта, используя исключительно волевые воздействия, причём довольно нестандартные. Для третьекурсников это звучит совершенно невероятно. Скажу больше – это даже для рядового Владеющего выглядит невероятным. Допустим, успехи твоей жены ещё можно как-то списать на уникальный талант, но почему ты ни в чём ей не уступаешь?

– У нас обоих есть сродство с Силой.

Брови у Генриха удивлённо поползли вверх.

– Дар Силы при заключении брака в храме Аспектов, – пояснил я, предваряя его вопрос.

– Да, это может быть объяснением, – подумав, сказал Менски. – Но почему в вашем деле это не упоминается?

– Дар Силы – вещь довольно интимная. Так уж получилось, что про наши дары узнало слишком много лишних людей, и скорее всего, Драгана решила всё-таки немного ограничить распространение этой информации.

– Я буду молчать, – пообещал Генрих. – Тем более что я не собираюсь ссориться ни с вами, ни с сиятельной Драганой. Дар Силы, конечно, всё объясняет, но остаётся главный вопрос: что с вами делать?

– А что с нами нужно делать? – удивился я. – В чём проблема вообще?

– Проблема в том, что наша стандартная программа для вас не подходит. Какой смысл запускать вас в тестовый коридор, если вы его проходите без малейших усилий?

– Вы же нас достали, – напомнил я. – Меня так вообще практически вырубили.

– Это не решение, – покачал он головой. – Не так-то просто точно запустить механическую ловушку, причём никак не проявляя такого намерения. Это можно сделать раз, может быть два. Полсотни ловушек таким образом не запустишь.

– И что теперь?

– Мы будем думать, – пожал плечами Менски. – Придётся обсуждать это с деканом, раз уж вас надо учить как-то по-другому.

– Кстати, об учебной программе, – заметил я. – Похоже, она скоро изменится, причём в лучшую сторону.

Генрих вопросительно на меня посмотрел, ожидая продолжения.

– Киса больше не с нами, – пояснил я.

– Киса? – он выглядел совершенно сбитым с толку.

– Мариэтта Киса.

– Кто это? – недоумевающе спросил он.

– Глава Приказа духовных дел, – здесь уже я растерялся.

– В Приказе духовных дел уже несколько лет нет главы, там исполняющим обязанности какой-то чиновник. Князь всё никак не может согласовать со жрецами компромиссную кандидатуру.

Мы некоторое время непонимающе смотрели друг на друга. Наконец я отвёл глаза и пробормотал: «Возможно, я что-то напутал». Всё это выглядело очень странным – пожалуй, стоит обсудить это с Драганой.

* * *

Родственники – это всегда сложно, но у нас сложности с родственниками уже, по-моему, выходят за всякие рамки. Наша лотарингская родня и в самом деле наконец проявилась, и впечатление оставила смешанное.

– Господин, с вами хотел бы встретиться некий Огюст Арди, – доложила мне Мира, когда я появился в своей приёмной.

– Огюст Арди? – я попытался припомнить кого-нибудь с этим именем. – Нет, вряд ли я о нём слышал раньше, такое имя я бы запомнил. С претензией имя – у римлян Августами императоров звали. Ясно, что это кто-то из лотарингских Арди, вот только кто? У меня всё как-то не дойдут руки в них разобраться. Он не сказал, чего он хочет?

– Он ничего не сообщил о цели желаемой встречи. Только назвал своё имя и сказал, что остановился в гостинице «Княжеский сад».

Однако на широкую ногу живёт родственничек. «Княжеский сад» располагался рядом с Княжым Двором и по праву считался лучшей гостиницей Новгорода, при этом неприлично дорогой. Впрочем, старая аристократия её не любила – чрезмерная роскошь подходила скорее разбогатевшим купцам, которые, останавливаясь там, как бы заявляли всему миру о своей успешности. Особенно славилась гостиница своим зимним садом, на который, видимо, и намекало название. Но мне не так давно случилось побывать в настоящем княжеском саду, и я могу ответственно заявить, что гостиничному до него очень и очень далеко.

– Значит, не бедствует, раз может себе позволить пожить в «Княжеском саду», – глубокомысленно заметил я. – Я бы денег пожалел.

Мира тонко улыбнулась, и я засмеялся.

– Ну да, такой вот я спартанец. Ладно, встретиться с ним надо, всё же родственник. Договаривайся на завтра, лучше всего днём – посмотри там по моему расписанию.

– Где назначить встречу?

– И в самом деле – где? – задумался я. – С одной стороны, вроде родственник, а с другой – пока что непонятно кто. Знаешь, а пригласи его пообедать в «Ушкуйнике». Пообедать можно с кем угодно, и для родственника там встретиться тоже не зазорно.

При встрече родственник мне как-то сразу не приглянулся. Профессионалы – к примеру, мошенники и следователи, – знают, что глаза должны обязательно соответствовать изображаемому настроению. Большинство любителей либо этого не знают, либо не считают нужным напрягаться и просто изображают мимическую гримасу. Вот и у родственника сочетание радушной улыбки с холодными глазами производило несколько отталкивающее впечатление.

– Рад знакомству с вами, господин Кеннер, – приветствовал он меня.

– Здравствуйте, господин Огюст, взаимно. – вежливо отозвался я. – Прошу прощения за, возможно, бестактный вопрос, но мне неизвестно ваше положение в семействе Арди.

– Я сын и наследник Норбера Арди, который возглавляет главную ветвь и семейство в целом, – с интонацией заботливого отца объявил Огюст. – Разумеется, при необходимости я уполномочен говорить от имени семейства.

Я уважительно кивнул.

– Не перейти ли нам на *lingua franca*²? – предложил он.

– Боюсь, нам придётся ограничиться латынью. – развёл я руками. – Я не говорю на франкском, увы.

– Печально, печально, – скорбно покачал он головой. – Когда глава целой ветви семейства Арди не знает языка своих предков, это поистине достойно сожаления.

– *C'est la vie*³, – блеснул я своими скудными познаниями французского.

Огюст покивал головой, умело изобразив, что сердце его разрывается от печали.

– Каким же ветром вас занесло в наши суровые края, господин Огюст? – попробовал я завершить драму и перевести разговор на что-то конкретное.

– О, я здесь проездом. Я направляюсь по делам в каганат и решил воспользоваться случаем, чтобы познакомиться с новгородскими Арди. Кстати, я пытался связаться с вашей сиятельной матерью и потерпел полную неудачу. Она кажется совершенно недоступной.

– К сожалению, моя мать не особенно общительна, и редко принимает кого-то не из близкого круга. Точнее говоря, никогда не принимает.

– Даже родственников? – с намёком спросил Огюст.

– Возможно, в будущем, господин Огюст, – вежливо улыбнулся я.

Как-то слишком уж он напрашивается на встречу с мамой, и это выглядит даже оскорбительно. Установление отношений надо начинать с главы семейства, а не с рядовых членов. То, что он пытался сразу встретиться с мамой, а связался со мной, только получив от неё отказ – это похоже на откровенное неуважение. Собственно, это выглядит так, будто ему плевать на наше семейство, а интересуется он исключительно нашей матерью.

– Кстати, в нашем семействе принято обращаться к главе и наследнику «мессир», – как бы между делом заметил он, возвращаясь к десерту.

В этот момент я окончательно решил, что он мне не нравится. Если обращение к матери через мою голову ещё можно списать на невоспитанность и типичную западную бесцеремонность, то здесь уже имеет место явная попытка подмять меня, заставив признать себя подчинённым главной ветви.

– В каждом семействе свои порядки, – небрежно махнул я рукой. – Но должен заметить, господин Огюст, что здесь наблюдается некоторое недопонимание. Мы не ветвь семейства Арди. Мы ветвь Хомских, причём независимая. Просто исторически так вышло, что когда моя мать разорвала отношения с моей бабкой, и в связи с этим решила сменить фамилию, взять фамилию моей прабабки показалось ей наиболее подходящим вариантом. Но мы от этого не стали вдруг принадлежать к Арди – у нас ведь даже и фамилия другая, хотя и похожая.

Фамилия у нас и в самом деле была другой. Оригинальная франкская фамилия производилась с ударением на последнюю букву, наша же фамилия давно русифицировалась и ударение более привычным образом переместилось на первую букву.

– Однако мы ни в коем случае не отказываемся от родства, – продолжал я. – Мы помним, что родственники помогли прабабке. Кстати, раз уж мы о ней вспомнили – в каком родстве вы находитесь с Орианной Арди, господин Огюст?

² В нашем мире термином «*lingua franca*» обозначают языки межэтнического общения, но в мире Кеннера он сохранил своё оригинальное значение, то есть просто «язык франков».

³ Такова жизнь (*фр.*)

– В весьма отдалённом, – признался тот. – Госпожа Орианна принадлежала к побочной ветви, а я, как вам известно, принадлежу к главной. Но у нас издавна принято, что именно главная ветвь представляет всё семейство.

– Вот и у нас семейство представляет глава, а отнюдь не моя мать, – не удержался я от замечания, и на лице Огюста промелькнула тень.

Собственно, на этом встреча плавно и завершилась, говорить было особо не о чем. На прощание Огюст пригласил меня заезжать в гости, деликатно не став упоминать маму, а я в ответ пообещал заехать при первой же возможности, которая в обозримом будущем вряд ли выдастся.

Проводив родственника, я задумался. Насчёт лотарингских Арди у меня были планы, хоть и не совсем определённые. Мне нужен был надёжный представитель в империи, и родственники выглядели наиболее подходящим выбором. После встречи с Огюстом я в этом засомневался. Возможно, с самим Норбером общение было бы более плодотворным, но в любом случае мне сейчас придётся исходить из предположения, что лотарингским Арди интересна только мама, а нас, как семью, они видят исключительно в роли вассалов.

Однако при этом Огюст навёл меня на мысль, что прежде чем делать окончательные выводы, стоит пообщаться с той побочной ветвью, к которой и принадлежала прабабка. Вполне возможно, что они не так уж рады тому, что главная ветвь говорит за них. Да и вообще, они и есть наши настоящие родичи, и отношение к нам у них может быть совсем другим.

Глава 2

Вечной моей проблемой была излишняя демократичность, которую я унаследовал из прошлой жизни, и которая в нашем сословном обществе была порой совсем неуместной. Я пытался с ней бороться, но без особого успеха – у меня просто плохо получалось чувствовать ту тонкую грань, которая отделяет чванство от фамильярности. Надо заметить, что для меня всегда была примером мама с её потрясающей аурой аристократизма. Она вела себя всегда и со всеми одинаково дружелюбно-вежливо, но при этом у собеседника даже мысли не возникало проявить хоть малейшее неуважение. Возможно, у меня получилось бы это перенять, воспитываясь я как настоящий ребёнок, но взрослая психика неохотно принимала серьёзные изменения.

Столовая в нашей штаб-квартире была как раз продуктом этой самой моей борьбы. Сначала, когда новое здание только обживалось, все обедали в одном помещении, но демократично толкаться в одной столовой оказалось неудобным для всех. Начальству было не с руки во всеуслышание обсуждать за обедом свои начальнические дела, а хуже всего приходилось подчинённым, которые чувствовали себя неловко рядом с руководством и старались поскорее проглотить свой обед и исчезнуть. Для бывшего комсомольца это оказалось неожиданным уроком, и поразмыслив я пришёл к выводу, что люди на самом деле не так уж и озабочены вопросом равенства, а больше всего про равенство говорят те, кто предполагает в результате оказаться равнее прочих⁴.

В конце концов у нас всё-таки образовалось три отдельных столовых – для рядовых сотрудников, для руководства и для слуг семейства. Последней судорогой комсомольского воспитания было то, что я распорядился не делать отдельные кухни, а во всех трёх столовых подавать одно и то же. Моего демократизма опять же никто не оценил – к очередному начальническому бзiku и сотрудники, и руководители отнеслись примерно так же равнодушно, как к капризу погоды – ну дождь и дождь, а что тут сделаешь?

Сегодня в нашей столовой для верхушки собралась эта самая верхушка почти в полном составе. Были даже те, кто появлялся там нечасто – я, например.

– Господин, нельзя ли наконец повесить поваров? – тактично высказала своё мнение по поводу меню Стоцкая.

– По-моему, вполне приличные котлеты, – упрямо возразил я. – Ты просто слишком часто обедаешь в «Ушкуйнике», Ирина, вот и оторвалась от народа.

Стоцкая печально вздохнула, и развивать тему не стала. Сказать по правде, я и сам чувствовал, что не вполне прав, но пока что не был готов свою неправоту признать. Хотя мне уже было ясно, что от демократии всё-таки придётся окончательно отказаться, и кухни тоже станут раздельными.

– Кира, ты чем-то озабочена? – я решил, что застольная беседа как раз то, что нужно, чтобы немного оживить обед. – По-моему, ты хочешь о чём-то меня спросить.

– Ну в общем-то, да, хочу, – смутилась Зайка от моей проницательности. – Нам только что доставили непонятное извещение из депозитария. Они извещают, что на нас записано двадцать пять процентов акций предприятия «Голубая кошка». Сейчас мои сотрудники пытаются разыскать по нему данные. Вы, случайно, не знаете, что это за предприятие, и каким образом у нас оказались их акции?

– Случайно знаю, – я порядком удивился известию. – То есть я знаю, что это за предприятие, и предполагаю, каким образом к нам попали эти акции, но в целом всё это довольно

⁴ Здесь Кеннер, скорее всего, вспомнил знаменитую цитату из «Скотного двора» Дж. Оруэлла: «Все животные равны, но некоторые животные равнее других».

странно. «Голубая кошка» – это очень большое и очень известное предприятие косметической алхимии. Всякие кремы для ухода за кожей, какие-то омолаживающие гели, в общем, разная алхимическая косметика. Ещё они делают кое-какую несложную фармацевтику. Если бы эта тема не была так далека от наших интересов, ты бы обязательно об этом предприятии слышала.

– Или если бы госпожа Кира была постарше, – добавила Ирина. – Сейчас вам, госпожа, их продукция ни к чему, а вот лет через двадцать советую попробовать их крем «Бархатная лапка». Считается лучшим средством от морщин улыбки, и от гусиных лапок тоже хорош⁵.

– И каким боком этот завод к нам относится? – удивилась Зайка.

– Это станет тебе немного понятнее, если ты узнаешь, что он принадлежит Хомским. Это предприятие, можно сказать, их гордость, и, пожалуй, главный актив. По-видимому, это и есть та самая выходная доля моего деда Даняты.

– Не слишком ли много для выходной доли? – удивлённо подняла бровь Зайка. – Блокирующий пакет акций главного семейного предприятия – такие вещи так просто не отдают. Даже если по стоимости это соответствует размеру доли – в чём я, кстати, сомневаюсь.

– Я тоже сомневаюсь, – согласно кивнул я. – Беримир, конечно, обещал отдать с процентами, но всё равно, очень уж щедро. Да и вообще – я ожидал, что это будет что-то из имущества, какие-нибудь второстепенные пакеты акций, словом, сборная солянка.

– Солянку мы бы просто распродали и забыли, а что делать с этим пакетом? – вздохнула Кира. – С нашей специализацией косметическая алхимия никак не сочетается, но как можно просто взять и продать блокирующий пакет акций такого предприятия? Это же полный контроль над деятельностью, свои люди в наблюдательном совете, да и вообще.

– Да, как-то не совсем понятно. Значит, Хомские планируют что-то от этого получить, не идиоты же они, в самом деле. Причём я даже подозреваю, что за бархатная лапка здесь потопталась. Беримир-то человек прямой, а вот моя новоприобретённая сестрёнка, похоже, себе на уме.

– Сестрёнка? – сразу же заинтересовалась Стоцкая.

– Да, Ирина, это по твоей части. Влада Хомская, внебрачная дочь Беримира и моя троюродная сестра. Её мать не разрешала Беримиру официально признать дочь, поэтому в дворянский реестр её внесли совсем недавно, когда она стала совершеннолетней. У меня сложилось впечатление, что она имеет очень большое влияние на отца, и что её роль в делах семейства вообще довольно велика. Умная девочка, и это сразу видно. Ещё я точно выяснил, что в семействе она занимается фармацевтикой, также не исключено, что она каким-то образом курирует всё алхимическое направление семейства. Вот в целом и всё, что мне удалось понять за время короткого визита к Хомским. О таком интересном персонаже нам надо знать как можно больше, так что начинай по ней активно работать.

– То есть вы считаете, господин, что это такой хитрый план, и Хомские получают от этого какую-то выгоду? – искренне удивилась Зайка. – Я не понимаю, каким образом можно получить выгоду, просто так отдав четверть семейного предприятия.

– Ну мы же аристократы, а не торгаши, денежная выгода для нас не главное, – задумался я. – Они тоже заинтересованы в союзе с нами, а что может быть для этого лучше, чем совместное предприятие?

– По-моему, объяснение слабовато, – скептически заметила она. – Слишком много отдаётся за такую неопределённую вещь, как хорошие отношения.

– Слабовато, – согласился я. – Что-то ещё должно быть.

⁵ Морщины улыбки развиваются в основном по бокам рта, и женщины знают, как сложно с ними бороться. А морщины «гусиные лапки» образуются в уголках глаз.

Я погрузился в раздумья. Такой подарок действительно выглядел чрезмерным, даже учитывая то, что Беримир ощущал себя виноватым. Я чувствовал, что упускаю какой-то важный момент, но никак не мог ухватить нужную мысль.

– А кстати, кто будет фактическим владельцем этих акций? – спросила Зайка. – Семейство или кто-то из вас?

– Точно! – я от избытка чувств хлопнул ладонью по столу. – Всё просто, как же я сразу не догадался! Это ведь доля деда, и мать точно не откажется от наследства своего отца. Вот смотрите – это предприятие, которое делает разную лечебную косметику и лекарства. А теперь скажите – как отразится на репутации такого предприятия и на его курсе акций объявление, что Милослава Арди стала его мажоритарным акционером?

– Кажется, я знаю, какие акции мы сегодня же начнём скупать, – кивнула Зайка. – У нас есть кое-какие средства в резерве, так что денег хватит. Но меня всё-таки смущает такой вопрос – мы же можем просто продать этот пакет, и тогда Хомские потеряют эти акции, ничего не приобретя взамен. Почему они идут на этот риск?

– Думаю, они в таком случае потеряют только деньги, а не акции. Наверняка они передали этот пакет с правом приоритетного выкупа при продаже. Но на самом деле риск для них совсем небольшой, для нас же невыгодно этот пакет продавать. Ты ведь на самом деле не собираешься его продавать, верно?

– Конечно, не собираюсь, я ещё с ума не сошла, – подтвердила Зайка. – Но они-то не могут быть в этом уверены. Почему они просто не оговорили с нами условия передачи акций?

– Ну ты скажешь тоже, Кира, – изумлённо посмотрел я на неё. – Оговаривать возврат долга чести условиями – такое даже для купцов выглядело бы дико. Нет, Влада всё сделала правильно, в самом деле умная девочка. Мы получили пакет акций именно такого размера, который позволяет нам полностью контролировать деятельность предприятия. Они таким образом приглашают нас удостовериться, что участие нашей матери никак не повредит её репутации. Мы, кстати, обязательно проведём аудит, прежде чем разрешим объявить о её вхождении в акционеры. И насколько я понимаю, в самое ближайшее время Хомские выдвинут её в состав наблюдательного совета или изберут почётным вице-президентом, или ещё что-нибудь в этом роде. На это она, правда, может и не согласиться, но они будут счастливы даже просто иметь её в составе акционеров. И есть у меня подозрение, что Хомские заработают на этом даже больше, чем стоит переданный нам пакет акций. То есть получится так, что они достойно и щедро расплатились с нами, и при этом заработали кучу денег. В общем, Ирина, обрати на Владу Хомскую самое пристальное внимание – с людей, которые способны проворачивать такие изящные комбинации, глаз спускать не стоит.

* * *

Постепенно я перестал так уж нервно относиться к разговорам с князем. Наше семейство начало что-то значить в политических раскладах, и вызов к князю уже не обязательно подразумевал предстоящую выволочку. Порой князь даже советовался со мной, хотя было у меня сильное подозрение, что мои советы ему на самом деле не нужны, а спрашивает он их только для того, чтобы польстить моему юношескому самолюбию. Наш князь манипулятор ещё тот, так что я старался воспринимать любые лестные слова от него критически.

– Как жизнь, Кеннер? – участливо поинтересовался князь. – Есть какие-нибудь проблемы?

– Твоими заботами, княже, – учтиво отозвался я. – Проблем пока нет, надеюсь, и не будет. Князь понимающе усмехнулся, мол, надейся-надейся.

– Я тут от Хотена услышал удивительную новость, что ты как-то ухитрился влезть в семейное предприятие Хомских. Не расскажешь?

– Да нечего там рассказывать, княже. Беримир отдал долю деда.

– Ах, вон оно что! А я-то уже почти и забыл про ту историю с долей Даняты. Стало быть, с Хомскими у вас дружба налаживается?

– Почему бы и нет? Хомские нам близкие родственники, а Беримир – человек чести.

– В отличие от Путяты, да?

– Я Путяте не судья, княже, и ничего говорить про него не стану. Это дела старшего поколения, они мимо меня прошли, и я в них влезать не хочу. Об этом тебе лучше мою мать спросить.

– Что Милослава может сказать про Путяту, я и так знаю, – хмыкнул князь.

– Путяту она вылечила, – заметил я.

– Это-то и удивительно. Даже не представляю, как ты сумел её уговорить – похоже, твоё мнение для неё очень много значит. История с долей Даняты ведь и в самом деле дурно пахнет. Путята отличился, что тут ещё скажешь. Непонятно только, почему Милослава тогда ко мне не обратилась. Без её жалобы я в семейное дело влезать не мог, нет у меня такого права.

– И ты бы принял и выслушал обычную студентку? – искренне удивился я.

– И принял бы, и выслушал, и помог, – кивнул князь. – Студентка она или не студентка – у неё всегда был ко мне прямой доступ, это же привилегия любого гербового дворянина. Ты что, этого не знал?

– Не то чтобы не знал, просто не думал, что это всерьёз.

– Как это может быть не всерьёз? – удивлённо посмотрел на меня князь. – Дворянство клянётся служить княжеству, а князь в ответ клянётся блюсти права дворянства. Если князь свою клятву нарушает, он тем самым и дворянство освобождает от клятвы. Так что для князя права дворянства священны. Ты же сам не один раз просил аудиенции, и всегда получал её немедленно.

С этой стороны я почему-то вопрос не рассматривал. Похоже, в меня слишком глубоко въелся тезис о необязательности исполнения законов, и многое в кодексе я воспринимал как просто красивые слова. Стоит, пожалуй, перечитать ещё разок дворянские кодексы с учётом того, что каждое слово там имеет значение.

– Единственным обращением от Милославы была просьба об учреждении независимого семейства Арди, – продолжал князь. – Разумеется, с учётом всех обстоятельств, просьбу немедленно удовлетворили без рассмотрения. Так-то мы нечасто позволяем создание нового семейства, но после того, что учудили Ольга с Путятой, ни у кого и мысли не возникло отказать. Но вот что касается доли отца, Милослава по каким-то своим причинам решила не выносить это дело из семьи. – Князь пожал плечами. – Напрасно, как мне кажется – Путяту стоило бы окоротить.

– Знаешь, княже, – заметил я. – Мне всегда казалось, что это, в общем-то, простая история. Однако раз за разом она открывается мне с новой и неожиданной стороны, и это не перестаёт меня удивлять. Но сейчас, надеюсь, мы с Беримиром наконец оставили её в прошлом.

– Возможно, – согласился князь. – Но боги с ним, с заводом Хомских. Это твоё с Беримиром дело. Мне вот непонятны твои манипуляции с моим четвёртым механическим. Ты заставил всех ключевых сотрудников подписать договоры служения – зачем? Ты решил, что сможешь таким образом меня шантажировать? Поясни.

Я давно уже подозревал, что это было плохой идеей, и сейчас это получило ясное подтверждение. Чем я думал, когда всё это затевал? Ведь не так уж сложно было предвидеть результат. Вполне можно было догадаться, что князь из принципа не позволит на себя давить. По той простой причине, что если кто-то сможет с него что-то выдать шантажом, то это создаст прецедент и пример для других.

– Даже мысли не было тебя шантажировать, княже, – решительно отказался я. – Я был вынужден предложить договоры служения сотрудникам. У меня внутри всё протестовало при мысли раздавать служение совершенно непроверенным людям, но другого выхода просто не было. И разумеется, я никого не заставлял эти договоры подписывать, это было совершенно добровольно.

– Другого выхода не было, говоришь? – с лёгкой насмешкой переспросил князь. – И кто же тебя заставил? Надеюсь, не я?

– Обстоятельства заставили, княже. Посуди сам, как это выглядело с моей стороны – я должен был наладить работу завода, который ещё совсем недавно принадлежал недружественной семье. Все сотрудники были наняты моими недругами. При этом все сотрудники знали, что я всего лишь временный управляющий. Может, они и не остались бы лояльными прежнему владельцу, но мне они лояльными точно не были бы, а это означало как минимум тихий саботаж. И что мне оставалось делать в этой ситуации? Либо ставить своих сотрудников, которых у меня просто нет, либо хоть как-то обеспечить лояльность этих.

– Знаешь, что меня больше всего в тебе поражает, Кеннер? – задумчиво произнёс князь. – Твоя способность выкрутиться из любой ситуации. Кажется, что вот уже тебя прищемил, и никуда тебе не деться, а ты открываешь рот, и как-то вдруг оказывается, что ты всё делал правильно, и иначе было никак нельзя. Удивительная способность, правда.

– Как-то обидно это звучит, княже, – заметил я с оттенком недовольства. – Уж не знаю, похвалил ли ты меня, или поругал, но в любом случае не чувствую себя польщённым.

– Ну я тебя точно не похвалил, – усмехнулся князь, – хотя и ругать, получается, вроде как не за что. Однако вернёмся к заводу. Допустим, что я решил назначить другого управляющего – ты, стало быть, тут же заберёшь своих сотрудников?

– Как такое возможно? – посмотрел я на него с удивлением, которое, надеюсь, выглядело искренним. – Завод же сразу встанет в таком случае. Нет, сотрудники останутся какое-то время на своих местах. Договоримся о графике передачи дел, и в разумные сроки заменим их твоими людьми.

– То есть ты не заинтересован забрать четвёртый механический себе?

– Разумеется, я заинтересован. Если бы не был заинтересован, не вкладывал бы в него столько сил. Но я не думаю, что было бы реально забрать его у тебя шантажом.

– Нереально, конечно, – подтвердил князь. – Но возникает вопрос – а как же тогда ты собираешься его получить?

– У меня есть кое-какие мысли о том, что можно тебе за него предложить, но я пока над этим работаю.

– А вот Воцкие предлагают деньги.

– Тебе решать, княже, – развёл я руками.

Князь задумался, барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Работай пока, – наконец решил он. – А что ты мне скажешь о своих имперских родственниках?

– Встретились, познакомились, поговорили, – пожал я плечами. – Что именно тебя интересует?

– Меня вообще интересуют лояльные подданные с хорошими связями за границей.

– Не думаю, что их можно отнести к хорошим связям, княже. Лично я им бы ничего не доверил.

– Вот как? – удивлённо поднял бровь князь. – А поподробнее можешь сказать?

– Сложно объяснить, – вздохнул я. – Это всё на уровне чувств и ощущений. Просто не создалось у меня ощущения, что они готовы к сотрудничеству. Скорее, они хотят что-то получить, и желательно даром.

– Понятно, – кивнул князь. – То есть на твоих родственников рассчитывать не стоит?

– Да я бы их и родственниками не назвал, скорее однофамильцами. У нас слишком отдалённое родство с главной ветвью. Надо бы познакомиться с той ветвью, к которой принадлежала прабабка – они, по крайней мере, на самом деле родственники.

– Познакомься с ними, Кеннер, – настоятельно посоветовал князь. – Если сможешь наладить с ними хороший контакт в интересах княжества, от этого выиграют все, обещаю.

– Познакомиться-то несложно, княже, – хмыкнул я. – Слетаю как-нибудь в Лотарингию на денёк, встречу. Но этого мало, надо думать о том, как их серьёзно привязать.

– Намекаешь, что мне и тебя надо бы как-то привязать, да? – вздохнул князь. – Шустрый ты юноша, Кеннер, даже боюсь гадать, в кого ты такой ловкий уродился. Точно не в мать.

– Я гораздо проще, чем ты думаешь, княже, – совершенно искренне сказал я.

– Да-да, конечно, – иронически фыркнул он. – Ладно, иди уже, простой ты наш.

Глава 3

Дверь на этот раз открыла настоящая служанка, во всяком случае, не создавалось впечатления, что она примеривается, как бы ловчее открутить мне голову.

– Кеннер Арди, – представился я, протягивая ей визитку. – Я договаривался с сиятельной о визите.

– Сиятельная вас ожидает, господин Кеннер, – ответила она, приглашая меня войти. – Позвольте принять ваше пальто. Присядьте, пожалуйста, я сообщу ей о вашем визите.

Садиться я не стал, а вместо этого решил получше рассмотреть уже знакомую мне прихожую, особенно картины, которые мне некогда было разглядывать в прошлый раз. Картины оказались исключительно городскими пейзажами, по большей части изображающими улочки старого города, частью для меня совершенно незнакомые. И никаких абстрактных полотен. Не знаю, попадает ли всё это в категорию высокого вкуса, но определённо вкусы Драганы от моих не так уж сильно отличаются. Впрочем, с чего бы им отличаться? Мы оба не сильно голубых кровей. Она по происхождению мещанка, а я ведь изначально тоже что-то вроде сына поварихи и лекальщика⁶.

– Сиятельная готова вас принять, господин Кеннер, – засмотревшись на картины, я не заметил, как вернулась служанка. – Позвольте вас проводить.

Драгана выглядела не так плохо, как при моём прошлом визите, но исключительно в сравнении. Сказать, что она выглядит хорошо, не повернулся бы язык у самого отъявленного льстеца – синяки под глазами, усталое лицо, и вообще какой-то потрепанный вид.

– Выглядишь не очень, Гана, – откровенно сказал я. – Как себя чувствуешь?

– Вот как выгляжу, так и чувствую, – слабо улыбнулась она. – На самом деле всё не так уж плохо, просто общая слабость. Слишком быстро устаю. На службу уже начала ездить, только хватает меня всего часа на три-четыре. Но Милослава обещает, что постепенно восстановлюсь.

– Лесные прислали ещё один фрукт Силы, – я достал из пакета тщательно завернутую грушу. – Мама сказала передать тебе.

– О, замечательно, – обрадовалась она, развёртывая бумагу.

– Может, тебе ещё один сатурат поможет? – предположил я. – Например, если попробовать выкачать из него немного силы?

– Лучше не упоминай об этом, – содрогнулась Драгана. – Даже думать об этом не могу. Да и слишком уж это опасно. Больше не собираюсь экспериментировать с сатуратами, одного раза хватило.

– Наверное, ты права, лучше уж естественным образом восстановиться, – согласился я. – Скажи, а ты вообще Кису помнишь?

– Как я могу её не помнить? – она посмотрела на меня с удивлением. – Я головой вроде не повредилась.

– А вот Генрих Менски ни про какую Мариэтту Кису не знает и считает, что у Приказа духовных дел уже несколько лет нет начальника, и руководит им исполняющий обязанности чиновник.

Драгана надолго задумалась, что-то прикидывая про себя.

– Интересный эффект, – наконец сказала она, – хотя вполне возможный. Даже ожидаемый. Понимаешь, Киса ведь была из тех, кто заметно влиял на мир, и мир не может не заметить её исчезновения. Представь себе озеро, в котором внезапно исчезает остров. Естественно,

⁶ «Сын поварихи и лекальщика» – известная дворовая песня 70-х годов. Автор её неизвестен, а вот пели её многие, в основном исполнители шансона, в частности, Аркадий Северный и Вилли Токарев.

вода во всём озере начинает волноваться и нескоро успокаивается. Вот примерно то же самое сейчас и происходит в поле вероятностей – лес вероятности меняется.

– Аналогия понятна, – кивнул я, – но процесс мне не совсем ясен.

– Ты же знаешь, что такое лес вероятностей? Это множество всех возможных ветвей развития мира, из которого суммарной волей всех существностей выбирается только одна ветвь. Остальные исчезают.

– Я это знаю, – согласился я.

– Так вот, это описание не совсем точное. Обычно опускается один малозначительный момент. Он действительно незначительный, но не в нашем случае. Дело в том, что остальные ветви не исчезают, они всего лишь становятся призрачными. Они не могут исчезнуть совсем, потому что они тоже произошли. Мир на самом деле не развивается линейно, как мы обычно себе это представляем – каждое мгновение он существует в бесчисленных вариациях, мы просто видим наиболее вероятную ветвь. Ту, которая выбрана нашей объединённой волей.

– Концепция, конечно, интересная, – несколько озадаченно заметил я. – Но как она связана с нашей жизнью? Например, как она соотносится со странностями Менски?

– Очень просто соотносится, – пожала плечами Драгана. – Ты и сам легко бы догадался, если бы взял на себя труд подумать. Из-за того, что поле вероятности пошло волнами, происходит интерференция, и ранее отмершие ветви временно наливаются силой. Тот Менски, который не помнит Кису – это Менски другой ветви мира. Той, в которой Кисы никогда не было, или она умерла в детстве, или не поступила в Академиум, или ещё что-нибудь.

– Звучит довольно пугающе, – откровенно признался я. – И как мы с тем Менски сочтемся? Мы-то Кису помним.

– Мы как острова на этом озере, о которые разбиваются волны, – объяснила она. – Для того чтобы воздействовать на обладающих сильной волей, или на тех, кто очень хорошо Кису знал, нужно гораздо больше энергии. А раз мы её помним, то значит, энергии не хватает, чтобы окончательно перейти на другую ветвь. Получается, что мы что-то вроде якорей, фиксирующих нашу реальность. Через некоторое время волны затухнут, и Менски снова вспомнит Кису. Он её обязательно вспомнит, потому что именно такие, как мы, не дадут выбрать другую ветвь, и это опять будет наш старый Менски.

– То есть наш мир настолько нестабильный?

– По-моему, слово «нестабильный» здесь плохо подходит, – сморщила нос Драгана. – Мне больше по душе слово «нелинейный». Но по сути да, небольшие волны вероятности – это нормальное явление. Ты замечал когда-нибудь, что помнишь вещи, которые на самом деле не происходили? Или не помнишь что-то, что вроде бы никак не мог забыть? Что-то из этого, конечно, просто шутки памяти, но что-то – как раз маленькие волны вероятности от каких-то событий.

– Слушай, так это что получается? – меня захватила внезапно пришедшая в голову мысль. – Выходит, можно изменить прошлое?

– Ну, если уж придерживаться точных формулировок, то не изменить, а выбрать другое прошлое из тех, что произошли, но стали призрачными. Поскольку прошлых практически бесконечное множество, то всегда можно выбрать нужное. Если твоя воля достаточно сильна. Но на что-то серьёзное её, конечно, не хватит, ведь нужно перебороть волю всех прочих участников. Такой фокус могут проделать разве что Сияние или Сила. Хотя некоторые верят, что где-то существуют области неструктурированного Хаоса, нетронутые волей – вот там можно творить что угодно, меняя настоящее и прошлое. Ну я тебе уже говорила, что не особенно в это верю.

– Звучит просто поразительно, – признался я. – Но мне очень не нравится тот момент, что каждое мгновение бесчисленное множество Кеннеров исчезает, оставляя лишь одного. Ведь я тепершний в следующее мгновение могу так же исчезнуть.

– Что за глупости, Кен, – пренебрежительно фыркнула Драгана. – Никто никуда не исчезает. Есть только один Кеннер – тот же самый во всём бесчисленном множестве ветвей. Точно так же, как во всех ветвях существует один и тот же мир. Вот, к примеру – ты же знаешь, как устроен атом? Электрон вращается вокруг ядра, но хоть электрон и точечная частица, он при этом размазан по всей электронной оболочке. Мы не можем сказать, где он конкретно находится – он везде. Но во всех точках это одна и та же частица. Кеннер, который сейчас меня спокойно слушает, и Кеннер, который в это мгновение отбирает у меня эту грушу и съедает её сам – это всё один и тот же ты.

– Тот Кеннер просто невозможен в любом из миров, – решительно отказался я. – Я никогда не стану отбирать еду у женщины. Разве что заберу её вместе с женщиной. Ладно, я ещё подумаю, над твоим рассказом, сразу он как-то не очень умещается в голове. Но главное я уловил – наш Генрих скоро выздоровеет, и всё вспомнит.

– Ну если не вдаваться в излишние сложности и сказать проще, то да, он выздоровеет, – засмеялась Драгана.

Она немного развеселилась, и сразу стала выглядеть как-то получше.

– Знаешь, Гана, если вернуться в наш обыденный мир, то меня всё больше беспокоит один вопрос, – я решил воспользоваться случаем, и прояснить всё, что можно. – А именно предстоящая стычка с Греками.

– И что же именно тебя беспокоит? – с отчётливой ноткой иронии поинтересовалась Драгана.

– Я опасаясь того, что князь втянет меня в кровную вражду с группировкой Грека, из которой я сам не смогу выпутаться, – откровенно объяснил я. – И мне придётся прятаться за князя, и получится, что я стану зависеть от защиты князя, и в целом потеряю самостоятельность. Это, конечно, наихудший возможный сценарий, но... В общем, ты поняла.

– Я поняла, – мягко сказала Драгана. – Кеннер, извини меня за прямоту, но ты ошибаешься, считая, что Вселенная вращается вокруг тебя. А ещё ты ошибаешься, думая, что Яромир станет так грубо тебя подставлять. Он вообще так безобразно не поступает. А в данном конкретном случае твоё участие по большому счёту не является значимым. Это предложение князя было именно знаком расположения. Я передала ему, что ты не проявил заметного желания – он просто пожал плечами и вычеркнул тебя из своих планов, вот и всё.

– Ты меня успокоила, конечно, – озадачился я, – но я уже начинаю думать, не прогадал ли.

– Да в общем-то, дверь для тебя совсем не закрыта, – хмыкнула она. – Ты можешь участвовать, если захочешь – Яромир закроет глаза на любые твои действия. Ну... почти на любые, но то, что ему не понравится, ты и сам вряд ли станешь делать. Просто ты из ключевой фигуры стал посторонним, который при желании тоже может подключиться.

– А что вообще с Греками происходит?

– Пока ничего, но желающие уже толкаются локтями. Самые смелые обратились в Дворянский совет с разными претензиями к Грекам и их союзникам. Греки стали изгоями, но пока что никто не решается на что-то серьёзное – Остромира побаиваются, он может так ответить, что мало не покажется.

– И как эта ситуация будет развиваться? – заинтересовался я.

– Да очень просто. Все заинтересованные лица конфиденциально поставлены в известность, что если Остромира Грека не станет, обстоятельства его смерти расследоваться не будут.

– Остромир ведь может уехать, – удивился я. – В тот же Владимир, например. Не могу поверить, что он не знает о том, что на него открылась охота.

– Знает, конечно, но в том-то и дело, что он не может уехать, – усмехнулась Драгана. – Это будет признанием своего предательства и подтверждением всех обвинений. Греков тут же объявят вне закона, лишат дворянства и конфискуют имущество. Яромир будет просто счаст-

лив получить такой повод, чтобы искоренить их навсегда, и Остромир это понимает. А вот оставшись он умрёт, но семейство выживет и когда-нибудь, возможно, поднимется вновь.

– То есть рано или поздно Остромир умрёт, и группировку Греков начнут рвать со всех сторон, – сделал вывод я. – Без Остромира и Кисы они серьёзного сопротивления оказать не смогут.

– Так ты присоединишься? – вопросительно посмотрела на меня Драгана.

– Заманчиво, но роль падальщика мне плохо подходит, – покачал я головой.

– Напрасно ты так, Кен, – вздохнула она. – Чисто по-человечески это вызывает уважение, но для главы семьи такое чистоплюйство недопустимо. Нужно думать не о своих принципах, а о семье.

– На самом деле я не такой уж принципиальный, – пожал плечами я, – и ради семьи на многое могу пойти. Но наша семья – в первую очередь Владеющие, и только потом уже дворяне. Ну вот такие у нас приоритеты. И я совершенно ясно чувствую, что если мы поведём себя как стервятники, то для нас это очень затруднит возвышение. Если даже не закроет совсем.

Драгана ушла в себя, что-то обдумывая.

– А ведь ты прав, пожалуй, – наконец пробудилась она. – Из-за того, что ты ещё студент, я тебя как-то и не воспринимаю как Владеющего, а вот ты очень правильно делаешь, что об этом уже сейчас задумываешься. Тебе действительно не стоит влезать в эту навозную кучу. Для тебя такие поступки нехарактерны, и бесследно это не пройдёт. Но жаль, конечно – приобрести ты мог изрядно, Яромир тебе очень многое простил бы.

– Много не откусишь, зато и не подавишься, – философски заметил я. – Чего тут жалеть.

Для меня происходящее с Греками оказалось интересным и изрядно пугающим уроком политики. Вот была – ну точнее, пока что ещё есть, – мощная дворянская группировка, которая успешно оппонировала князю и вообще серьёзно влияла на политику княжества. Но стоило им зарваться и стать реальной угрозой, как князь просто раздавил их одним движением пальца. И особо отметим, что для общества он при этом остался в стороне и совершенно ни при чём. Ему ведь даже не понадобилось ничего делать – по сути, он всего лишь дал понять, что больше не защищает Греков. Лично меня просто потрясла эта небрежная лёгкость, с которой князь уничтожил такого серьёзного противника. Это урок, который ни в коем случае не стоит забывать, если я не хочу оказаться на месте Остромира Грека.

* * *

Я стоял у машины, поёживаясь на холодном осеннем ветру, и смотрел на ворота маминой клиники. Идти туда совсем не хотелось.

Вчера за ужином мама как бы невзначай заметила:

– Сегодня приехал Воислав Владимирский. Будет у меня лечиться три дня, а дальше посмотрим, может, и задержится.

– Вот как? – нейтрально отозвался я, стараясь выглядеть безразличным.

– Ведёт себя очень вежливо, – продолжала мама, – но видно, что для него это совсем непривычно. Кстати, он попросил меня организовать встречу с тобой.

Стало быть, это была просто краткая прелюдия, а сейчас мы наконец перешли к делу. Я совершенно произвольно поморщился.

– Не хочешь с ним встречаться? – заметила мою гримасу мама. – Ну это вроде бы необязательно, он сказал, что просто хочет познакомиться. Я могу передать ему, что ты по какой-то причине не можешь с ним встретиться.

– Ну что ты говоришь, – недовольно отозвался я. – У нас с ним и так некоторое напряжение присутствует, не хватало только для полноты картины оскорбить его отказом встретиться. Так что хочешь не хочешь, а придётся к нему явиться. Он назвал какое-то время?

– Сказал, что ему было бы удобнее всего завтра после дневных процедур. То есть в три пополудни.

– Приеду, – вздохнул я.

И вот сейчас я и стоял у ворот, собираясь с мыслями. От встречи я никаких приятных сюрпризов не ждал, зато неприятные были вполне возможны. Наш-то князь по натуре скорее дипломат – он, конечно, тоже может и голову открутить, но для этого нужно его всерьёз вывести из себя. А вот Воислав, по слухам, характером совсем не дипломат, и отношения у меня с ним непростые. Он, конечно, не мой князь, но всё равно – при желании он может доставить мне столько проблем, что не унести.

Я постоял ещё минуту, разглядывая ворота, и в конце концов решил, что хватит тянуть время, и вообще надо бы собраться. Такие, как Воислав, не хуже дикого зверя чувствуют слабость и неуверенность. А ещё у таких, как он, в рефлекс вбит охотничий инстинкт догнать и загрызть слабого. Так что ни в коем случае нельзя показать, что я его опасаюсь. Я прогнал из головы все неподходящие мысли и решительным шагом двинулся к воротам.

Палата Воислава была роскошной – в сравнении с ней та палата, куда мама поселила Путяту, и в самом деле выглядела каморкой дворника. Сам Воислав тоже впечатлял. Одет он был в какие-то военного покроя штаны и безрукавку, а пронзительный взгляд и бугрящиеся мышцами руки очень гармонично дополняли образ. Представить его в больничной пижаме было совершенно невозможно, зато посреди горящей деревни он был бы вполне на своём месте.

– Здравствуй, княже, – я вежливо поклонился.

– Вот, значит, ты какой, Кеннер Арди, – князь нетерпеливо махнул рукой, отсылая прочь впустившего меня секретаря. – Садись. Так значит, ты из Хомских?

– Мой дед Данята был Хомским, княже, – подтвердил я.

– Достойное семейство, – сказал Воислав, пристально меня разглядывая. – Нам, владимирцам, твои предки немало крови попортили в своё время.

– Мы давно уже друг с другом не воюем.

– Кровь можно портить и не воюя, – ухмыльнулся Воислав. – Ты вот моего Мирона казнил, а он мне был дорог. Поторопился ты – я бы его выкупил, и не поскупился бы.

– Не мог я его в живых оставить, княже, – ответил я, глядя ему в глаза. – И прости меня, княже, за дерзость, но я бы тебе его не отдал. Меня бы своя семья уважать перестала, если бы я кровь семьи за деньги прощал.

– Он твою девку не убил, – нахмурился тот.

– Приказал допросить и убить, этого достаточно. Просто нам повезло, мы успели чуть раньше. Твои люди успели её только избить.

Воислав поморщился, но продолжать эту тему не стал.

– Кому-нибудь рассказывал, как меня нагнул?

Князь давил и взглядом, и голосом, и сопротивляться этому давлению было совсем непросто.

– Если ты про историю с вирой, княже, то за пределы семьи ничего лишнего не ушло. А насчёт «нагнул» ты неправ, – я встретил его взгляд своим, – я тебя не нагибал.

– Не нагибал, говоришь?

– Моя мать – человек не посторонний. Ты посягнул на нашу семью, и чего ты ожидал? Что она примет тебя как ни в чём не бывало?

– Я твою семью не трогал! – рыкнул Воислав.

– Её тронули твои люди, выполняя твои задания, – с напором сказал я. – Ты был за них в ответе.

– Ты сам с моих людей кровью взял!

– Потому мы и согласились уладить дело вирой! Если бы ты их укрывал, ни я, ни моя мать с тобой говорить бы ни стали.

– Наглый ты не по чину, – со злостью посмотрел на меня князь.

Я встал и поклонился.

– Прошу простить меня, княже, за дерзость, – сказал я твёрдым голосом и снова сел.

Воислав смотрел на меня тяжёлым взглядом и молчал. Смотрелось всё это страшновато, но эмпатия подсказывала мне, что настоящей злости в нём нет. Нет, он, конечно, злится, и наглость моя и в самом деле ему не нравится, но вот настоящего бешенства в нём и в помине нет. И вообще, этот разговор больше похож на какую-то проверку, чем на выяснение отношений. Как будто он решил попробовать меня согнуть и посмотреть – согнусь или нет?

– Ладно, – наконец махнул рукой князь, – дело прошлое. Есть ли между нами что-нибудь нерешённое?

– Для семейства Арди эта история в прошлом и забыта, княже.

– Ну и ладно, – успокоился Воислав. – А скажи мне, Кеннер – как ты отнесёшься к тому, чтобы переехать к нам во Владимир?

– Прости, княже, – покачал я головой, – я не Остромир Грек, и своей верностью не торгую.

Воислав с неудовольствием поморщился.

– Грек верностью не торговал, – возразил он с лёгким раздражением.

– Предатель никогда себя предателем не считает, – пожал я плечами. – Он или с тиранией борется, или ещё как-нибудь себя оправдывает. Но Грек изменник, и мы с тобой оба это знаем.

– Про твою измену речи нет, – недовольно сказал Воислав. – Мы же не воюем, как ты сам заметил. Вы вполне можете жить где хотите, Яромир вас на цепи не держит. Многие новгородцы у нас живут, да и наших в Новгороде немало.

– А если просто уезжать, так нас слишком многое здесь держит – дом, родственники, вот эта же клиника матери, в которую она душу вложила. Извини, княже, но мы слишком сильно связаны с Новгородом.

– Да, надо было раньше вас зазывать, – вздохнул Воислав, как-то вдруг потеряв свою жутковатую ауру, и ставший похожим просто на старого усталого борца. – Мирон, покойник, вас проворонил, поздно доложил, а там уже Яромир успел вас привязать. Ладно, иди, Кеннер – долгов меж нами нет, враждовать не будем, а там, глядишь, и подружимся.

Глава 4

Сегодня мы наконец устраиваем персональную выставку Ленки в Центре современного искусства на Плотницком ручье. Сказав «мы», я, пожалуй, изрядно себе польстил – моё участие состояло исключительно в устном распоряжении выделить необходимые средства. Организацией выставки занимались мама с Ленкой, а все финансовые вопросы решала Зайка. Женщины у меня просто золото – они считают, что я и так слишком загружен важными судьбоносными решениями, и стараются без веской причины меня не напрягать. В принципе, я и в самом деле загружен, но не всегда, а временами просто бессовестно пользуюсь образом вечно занятого руководителя. От этого мне бывает стыдно, но несильно.

Всё-таки, что ни говори, а общественное положение само по себе даёт аристократам нечестное преимущество. Кто бы пошёл на персональную выставку никому не известной художницы, никогда раньше не выставившей свои картины на публику? Кроме разве что друзей и близких родственников? Однако если никому не известная художница носит фамилию Менцева-Арди, то это кардинально меняет ситуацию. Все сколько-нибудь заметные газеты прислали своих корреспондентов, по залам бродили представители практически всех аристократических семей и родов, а руководство Гильдии живописцев и скульпторов присутствовало в полном составе. Хотя с последними-то всё было ожидаемо – попробовали бы они не присутствовать, учитывая, сколько Ленка регулярно им жертвует. Выставка определённо стала заметным событием в культурной жизни Новгорода. Но что меня поразило больше всего, так это то, что и у входа выстроилась длинная очередь обывателей, вроде бы никак с нашей семьёй не связанных. То ли газеты создали совсем уж несусветный ажиотаж, то ли народ и в самом деле интересуется, что там малюют аристократки в перерывах между шопингом и угнетением крестьян.

Я переходил из зала в зал, кивая многочисленным знакомым, и изредка останавливаясь поговорить. Так постепенно и добрался до зала, в котором ещё не был, где и обнаружил Алину.

– Привет, Кен, – улыбнулась мне она, мимолётно коснувшись губами моей щеки. – Я вижу, ты популярен среди некоторых художниц.

– Сам не ожидал, честно, – признался я, с изрядным смущением оглядывая зал. – Оказывается, Лена не всё мне показывала. Далеко не всё.

Этот немаленький зал был целиком посвящён мне. Кеннер хмурится, Кеннер улыбается, Кеннер сидит за столом, сосредоточенно делая пометки в бумагах, Кеннер в тренировочном костюме бежит по аллейке. Кеннер был везде. В целом картины показывали меня в таком лестном свете, что я действительно почувствовал смущение. Если бы у меня были хоть малейшие сомнения в том, что жена меня действительно любит, они бы сейчас испарились без следа.

– Очень интересно посмотреть на тебя глазами Лены, – с улыбкой продолжала Алина. – Я, конечно, всегда знала, что она к тебе хорошо относится, но даже не подозревала, насколько.

– Не смущай меня, Лина, – попросил я, – я и так смущён дальше некуда.

– Ещё и скромный, – хихикнула она. – Ну всё, всё, больше не буду.

– Как тебе выставка вообще? – немного неловко перевёл я тему.

– Неожиданно, – призналась Алина. – Нет, я помню, ты говорил, что Лена хорошо рисует, но вот это вот всё далеко выходит за рамки просто «хорошо рисует». Это талант без всякого преувеличения. И судя по количеству картин, рисует она очень давно. Почему же вы раньше ничего не выставляли?

– Разговоры про это шли уже несколько лет, но как-то всегда находились более срочные дела, а сама Лена никогда не настаивала, – повинился я. – Нехорошо, конечно, так относиться к жене, но почему-то мне и в голову не приходило, что это может быть для неё важным.

– Ну хоть сейчас об этом задумался, значит, всё-таки не безнадёжен, – одобрительно улыбнулась Алина. – Как у тебя вообще дела? Что-то давненько мы с тобой не виделись – может, заглянешь к нам как-нибудь?

– Может, и загляну при случае, – не стал обещать я ничего определённого. – Много дел сейчас навалилось, да и вообще время какое-то напряжённое.

– Греки, – понимающе кивнула она. – Да, чувствуется в воздухе напряжение. Рано или поздно либо у Греков нервы не выдержат, и они что-нибудь сотворят, либо кто-нибудь из шавок наберётся смелости и укусит первой. Впрочем, Гана вроде упоминала, что князь тебя тоже в это дело затянул.

– Тянул, но я отказался, – отрицательно покачал я головой.

– Почему? – удивлённо подняла бровь Алина.

– Не моё, – развёл руками я. – А ты участвуешь?

– Нет, – едва заметно улыбнулась она.

– Почему?

– Не моё, – она развела руками, копируя мой жест.

– Нет, в самом деле – можешь ответить, почему? – настаивал я. – Я к чему спрашиваю – всё же я в сомнениях насчёт того, правильно ли поступил, отказавшись от такого выгодного дела. Принципы принципами, но уместно ли это для главы семьи?

– Могу и ответить, – пожала плечами Алина. – Главная причина в том, что роды не лезут в конфликты дворян и наоборот. Князь очень неодобрительно относится и к дружбе, и к вражде родов с дворянами.

– Использует вас как противовес дворянам? – догадался я. – Как независимый центр силы?

– Верно. Да на самом деле это ни для кого не секрет. Хотя ты, возможно, раньше этого не замечал, потому что никто не понимает, кто вы есть, и куда вас отнести, – она усмехнулась. – Вы вроде со всеми свои.

– Насчёт дружбы понятно, а почему нельзя враждовать? – я и в самом деле заинтересовался. – Казалось бы, наоборот, надо провоцировать вражду, чтобы разобщить.

– Потому что вражды не существует без дружбы, неужели непонятно? Если будут хоть какие-то отношения, пусть даже вражда, со временем обязательно возникнут связи. Например, семейство, которое враждует с родом, начнёт искать союзников среди других родов. Поэтому князь и старается держать нас подальше друг от друга.

– Никогда не задумывался о такой стороне вопроса, – признался я.

– И вторая причина состоит в том, что это и в самом деле не моё, – продолжала Алина. – Мы Грекам совсем не друзья, но без веского повода нападать на них не станем, тем более сейчас, когда их травить начинают. Ну а ты правильно сделал, что отказался.

– Мне кажется, Гана всё-таки считает, что я это сделал напрасно, – заметил я.

– Не пойми меня неправильно, пожалуйста, но я бы на твоём месте относилась к её советам осторожно. Нет, она искренне считает, что тебе помогает, вот только она по рождению мещанка и просто не улавливает кое-каких тонких моментов, которые понимаем мы. Некоторые вещи сложно понять, если не живёшь во всём этом с детства. Ну и ещё нужно учитывать, что она на многие вещи смотрит глазами князя.

– Ты сейчас сказала то, что я предполагал, но не мог для себя внятно сформулировать, – кивнул я. – Спасибо, Лина, ты очень помогла.

– Обращайся, – улыбнулась она. – Пойдём поищем Лену?

– Пойдём, – с облегчением согласился я. В зале хватало посетителей, и все они с любопытством посматривали на меня, отчего я чувствовал себя ужасно неловко.

– Так значит, ты предпочитаешь потерять деньги, но сохранить репутацию семьи? – спросила Алина, с любопытством поглядывая на меня, пока мы двигались по переходам.

Опять какие-то проверки? Мне казалось, что Алина уже знает меня как облупленного, но похоже, что она не успокоится, пока не выпотрошит меня до конца.

– И то, и то неверно, – отозвался я.

– Поясни, – заинтересовалась она.

– Я предпочёл «не приобрести деньги». Это не то же самое, что «потерять деньги». А сохранять мне пока нечего, у нас нет никакой репутации.

Алина с любопытством смотрела на меня, ожидая пояснения. Я вздохнул и пояснил:

– Репутация семейства наработывается столетиями. Вот лет через сто и посмотрим, что за репутация у нас будет. А сейчас я всего лишь пытаюсь заявить, на какую репутацию претендую.

– Трудно с тобой общаться, Кеннер, – пожаловалась Алина. – Смотришь на тебя, видишь юнца, и совершенно не ожидаешь речей и поступков взрослого и пожившего человека. Даже я периодически на это ловлюсь. Знаешь, а ведь если ты станешь вести себя в соответствии с возрастом, то легко сможешь дурить людей.

– Это тоже будет работать на репутацию, – усмехнулся в ответ я, – только совсем не на ту, которую я хочу заработать. А что касается юнца – посмотри в зеркало и спроси себя: что умного можно ожидать от этой юной девицы, у которой на уме явно только мальчики и тряпки?

– Уел, – захихикала Алина.

Ленка нашлась через два зала. Она общалась с корреспондентами – и на удивление неплохо общалась: уверенно, с юмором, не давая ввести себя в смущение или сбить с толку. Сегодня просто день неожиданных открытий – вот уж никак не предполагал узнать столько нового о жене, которую знаю с младенчества.

Заметила она нас не сразу, а заметив, с облегчением улыбнулась и заявила корреспондентам:

– Думаю, мы с вами всё обсудили, уважаемые. Если у вас есть ещё вопросы, вы можете задать их моему мужу Кеннеру Арди.

Корреспонденты немедленно навелись на меня.

– Господин Кеннер, как вы относитесь к тому, что ваша жена пишет картины? – сразу же последовал вопрос.

– Горжусь, разумеется, – ответил я, с недоумением посмотрев на спрашивающего. – Как ещё можно к этому относиться?

– То есть вы не возражаете против её увлечения? – настаивал корреспондент.

Не совсем понял, куда он клонит, но одно можно сказать точно: он пытается найти хоть какую-то грязь.

– Не только не возражаю, но и считаю, что госпожа Лена должна рисовать, – уверенно заявил я. – В её картинах виден несомненный талант, а талант обязательно нужно развивать.

– Среди её картин немалую долю составляют ваши портреты, – с намёком заметил другой.

– А также портреты нашей матери, – пожал я плечами. – Чему тут удивляться? Члены семьи – это самые доступные и самые безропотные натурщики. Если же вы пытаетесь намекнуть, что я заставляю жену рисовать себя, то это полная глупость. Она рисует что хочет, и большей части этих картин я сам до сегодняшнего дня не видел.

– Будете ли вы продавать эти картины?

– Мы пока не обсуждали этот вариант. Но в любом случае вопрос не ко мне – это будет решать госпожа Лена, мой голос будет в лучшем случае совещательным.

– Госпожа, а вы, по всей видимости, подруга госпожи Лены, – обратилась к Алине корреспондентка.

– Уважаемые, перед вами сиятельная Алина, Мать рода Тириных, – поспешно сказал я, пока никто из этих идиотов не ляпнул какую-нибудь оскорбительную глупость.

Корреспонденты радостно оживились – Высшие им попадают крайне редко.

– Отвечая на ваш вопрос, уважаемая, – со снисходительной улыбкой ответила Алина, – полагаю, что нас с госпожой Леной вполне можно назвать подругами.

– Вы планируете купить какие-то из этих картин, сиятельная? – выдала корреспондентка.

А вот это уже наглость. Провокационный вопрос, который слишком близко подошёл к прямому оскорблению. Если Алина ответит «нет», у них будет прекрасная возможность совершенно безнаказанно облить Ленку грязью. Кажется, кое-кто здесь заслужил показательный урок, чтобы напомнить о пользе хороших манер.

Похоже, корреспонденты как-то почувствовали моё настроение, потому что они беспокойно зашевелились и попятились, а спросившая побледнела и спряталась за соседа.

– Я надеюсь, что у меня будет возможность приобрести несколько картин, – ответила Алина как ни в чём не бывало. – Некоторые из них я бы очень хотела видеть в своём доме. Надеюсь, мы удовлетворили ваше любопытство, уважаемые, а сейчас позвольте с вами попрощаться.

Корреспонденты поклонились и быстро удалились, причём с явным облегчением.

– Знаешь, Кени, когда эта дура задала свой вопрос, от тебя такой жутью повеяло, что я сама испугалась, – негромко сказала Ленка. – Как ты это сделал?

– Не знаю, – ответил я с недоумением. – Сам не понимаю, что это было. Я просто разозлился на провокацию.

– Кстати, о вопросе, – вмешалась Алина. – Я бы и в самом деле хотела купить несколько картин. Вы не планируете устроить аукцион в конце выставки?

Мы с Ленкой озадаченно переглянулись.

– Мы подумаем, – ответили хором.

– Подумайте, – засмеялась Алина.

* * *

Я позвонил в дверь, и за матовым стеклом немедленно появилась тень. Дверь открылась, и горничная в кокетливой кружевной наkolке в замешательстве уставилась на меня.

– Госпожа Кира дома? – помог я ей.

– Да, господин Кеннер, – оправившись от неожиданности, торопливо ответила она. – Извините, господин Кеннер. Входите, пожалуйста.

– Я не буду заходить. Передайте госпоже, что я жду её в саду.

Я присел на лавочку перед линейкой каких-то декоративных кустов, лениво рассматривая дом Зайки. Дом был не особо большой, но очень миленький, даже с виду уютный. Зайка явно не пожалела денег на хорошего архитектора. Минут через пять появилась и она сама, изрядно запыхавшись.

– Что-то случилось, господин? – с тревогой спросила она.

– О нет, я всего лишь хочу поговорить подальше от ушей прислуги. Извини, что так тебя встревожил, я не подумал, как это может выглядеть. Пойдём погуляем немного.

Мы направились в сторону леса по усыпанной жёлтыми и красными листьями дорожке. Дорожки постоянно убирались, но дворники просто не успевали их сметать. До снега оставалось совсем недолго, и по утрам в воздухе уже ощущалась лёгкая морозная свежесть.

– Как ты себя чувствуешь здесь? – спросил я её.

– Замечательно, – она взглянула на меня с удивлением. – Как ещё я могу себя чувствовать?

– Я немного не о том спрашиваю, – улыбнулся я. – Это не вежливая фраза из серии «Как дела?», а серьёзный вопрос о твоём самочувствии. У нас здесь мощный источник, и он наверняка как-то на тебя влияет.

– Ах, это, – она надолго замолчала, прислушиваясь к себе. – Ну да, поначалу я действительно не очень хорошо себя здесь чувствовала, но потом стало легче. А сейчас вообще ничего не замечаю. Но к святилищу всё равно не могу близко подходить.

– К святилищу тебе подходить и не стоит. Оно настроено на нашу кровь и чужих не любит. Но я тебя спросил об этом не просто так – я вспомнил, что ты хочешь ускорить получение дворянства.

Зайка дёрнулась было возразить, но я остановил её поднятой рукой.

– Хочешь, не хочешь – неважно. Я в любом случае тебя не осуждаю. Просто способ такой есть.

– И вы точно не будете против?

– Скорее, даже буду всецело за, – засмеялся я. – Ты же помнишь, что нам придётся выплатить за ваше дворянство залог чести⁷? Князь с его размером скромничать не будет. Мы его, конечно, заплатим, но нам это долго икаться будет, я уверен. Если твои дети получают наследственное дворянство сами, я буду только рад. А князь, разумеется, не очень.

– Если они получают дворянство сами, то они могут и не захотеть стать вассалами, – осторожно заметила Зайка.

– А зачем мне вассал, который этим тяготится? И вообще, если у человека не хватает ума, чтобы понять, что ему это нужней, чем мне, то я лучше обойдусь без такого умника.

Зайка вопросительно посмотрела на меня.

– Кира, вассалы не рабы, – пояснил ей я. – Как раз наоборот, этот статус даёт вассальной семье очень многое. Ведь если разобраться, обычный дворянин не так уж сильно отличается от мещанина. Ну, есть какие-то права, немного повыше статус, но если ты согласишься повнимательнее, то обнаружишь, что все дворянские семьи, которые хоть что-то из себя представляют, тесно связаны с аристократами. Именно гербовое дворянство обладает реальными возможностями, которыми оно может поделиться с вассалами.

– И что, исключений нет? – немного недоверчиво спросила Зайка.

– Может быть, и есть, – пожал я плечами. – Но мне ничего в голову не приходит.

– Доричи довольно сильная семья, и герба у них нет, – заметила она. – Это которые дают протекцию Буткусу. Они ничьи не вассалы, я это точно знаю.

– Сильная семья, – согласился я. – Но ты явно незнакома с одной малоизвестной историей. Весьма романтической историей, замечу, и с хорошим концом, что, в общем-то, большая редкость среди романтических историй. Итак, лет примерно сорок назад один юноша по имени Севёр встретился с юной красавицей Астой и влюбился без памяти. Семьям эта связь не понравилась, – по крайней мере, одной семье точно, – но влюблённые проигнорировали недовольство семей и всё-таки поженились. Был скандал, который, однако, как-то быстро затих. Семьи всё-таки не стали изгонять молодых и скрепя сердце смирились с фактом. Так очаровательная Аста Дорич стала Астой Соболевой, ну а пылкий юноша Севёр лет через десять стал главой аристократического семейства Соболевых. Выслушав эту чудесную историю и стерев слёзы умиления, мы уже не удивляемся тому, что Доричи всегда грудью стоят за Соболевых, а те в ответ помогают во всех их начинаниях.

– Действительно, замечательная история, – согласилась Зайка. – Визион по ней не делали? Я бы посмотрела.

– Я думаю, если и были желающие это экранизировать, они здраво рассудили, что герои могут проявить недовольство самым болезненным способом, и решили не рисковать, – засмеялся я. – Деятели искусств обычно обладают очень острым чутьём на неприятности. Во всяком случае, те, которые из долгожителей. Но мы как-то совсем отвлеклись.

⁷ Аристократическое семейство при определённых условиях может даровать своим стольникам наследственное дворянство, но для этого им необходимо внести так называемый «залог чести». Подробнее об этом можно узнать в вики книги.

– Да, – кивнула Зайка, – вы начали говорить о способе получения дворянства.

– Верно. Так вот, меня всегда удивляло, почему в родах так много Владеющих. Да практически все дети у них одарённые, за небольшим исключением. Когда у нас появилось святылище, я начал подозревать, что знаю ответ, но это была просто догадка, полной уверенности у меня всё же не было. И вот недавно в разговоре со Стефой Ренской я осторожно перевёл разговор на это, и получил ясное подтверждение: если беременность протекает в области действия родового источника, ребёнок практически со стопроцентной вероятностью будет одарённым.

– То есть у меня будут одарённые дети? – Зайка от неожиданности остановилась и посмотрела на меня расширившимися глазами.

– Наверняка, – подтвердил я. – А поскольку мы обеспечим необходимое обучение, то с большой вероятностью они дорастут до Владеющих. Но ты всё-таки не воспринимай это как гарантию – для получения наследственного дворянства им нужно дойти до седьмого ранга, а это непросто. Но тем не менее при надлежащем желании и трудолюбии у них будут все возможности стать Старшими. Кстати, если отцом будет одарённый, даже не особо сильный, то это очень увеличит шансы.

Зайка надолго погрузилась в мысли, не замечая, куда идёт. Я не мешал ей, молча шагая рядом.

– Это всё очень неожиданно, – наконец пробудилась она. – Мне нужно будет как следует это обдумать.

– Обдумай, – согласился я. – Никакой спешки с этим нет, тебе самой решать, когда и как. Собственно, я хотел с тобой пообщаться по совсем другому поводу – просто вспомнил о разговоре со Стефой, вот и заговорил об этом. У нас есть более насущная проблема – мне надо ехать в империю.

– Неподходящее время, – нахмурилась Зайка.

– Совсем неподходящее, – со вздохом согласился я. – Вот-вот всё взорвётся. Я, правда, заявил князю, что мы останемся в стороне, но всё равно стоит опасаться. Мы у Греков в списке главных врагов, кто знает, что им в голову придёт.

– А нельзя как-нибудь это отложить?

– Нельзя, – отрицательно покачал головой я. – Князь ясно высказал настойчивое пожелание, чтобы я съездил в Лотарингию к родственникам. Я и так слишком долго с этим тянул. До сих пор это всё же выглядело как демонстрация независимости, но с каждым новым днём начинает всё больше выглядеть как демонстрация пренебрежения.

– То есть вы только в Лотарингию и обратно? – уточнила она.

– Нет, не только. Есть дело в баронстве, а ещё надо пообщаться с епископом, возможно, заглянуть на денёк в Рим. В общем, дел много накопилось. Возьму дирижабль, но всё равно, самое меньшее неделю меня не будет. Лена, скорее всего, полетит со мной, так что ты опять остаёшься главной.

Зайка состроила печальную гримасу. Оставаться за главную в такое неопределённое время ей совсем не хотелось, и я её прекрасно понимал.

– Ничего здесь не поделать, Кира, – сказал я сочувственно. – Сам не хочу на тебя всё сваливать, но ссориться с князем хочется ещё меньше.

– Да я всё понимаю, – вздохнула она. – Какие будут распоряжения?

– Главное, будь готова к неприятностям. Греки сейчас в отчаянии, запросто могут отчуждать что-нибудь непредсказуемое, и мы при этом тоже можем попасть под раздачу. Для дружины – повышенная готовность и никаких вольных контрактов. Всем слугам дома передвигаться как можно меньше, и обязательно с охраной. Тебя это в первую очередь касается. Вообще, старайтесь мелькать пореже. Короче, смотри сама. Все опасности предусмотреть не получится, так что просто будьте настороже.

Глава 5

В баронство мы отправились на машине, чем Ленка была страшно недовольна. Пятичасовая поездка не вызвала у неё никакого энтузиазма, к тому же нам пришлось встать очень рано, и мы совершенно не выспались. И сейчас она щедро делилась своим плохим настроением с окружающим миром.

– И почему мы не могли сразу полететь на дирижабле? – раздражённо ворчала она.

Дирижабль должен был ждать нас в Дерпте, где имелся маленький воздушный порт. Собственно, первоначально я планировал ехать с комфортом в салон-вагоне, но потом решил, что лучше поменьше привлекать к себе внимание, и остановился на нашем курьерском дирижабле. Нам ещё не довелось на нём побывать, но я подозреваю, что уровень комфорта там не дотягивает даже до нашей скромной каюты на «Сиськах Фрейи», так что мою взыскательную жену, скорее всего, ждут новые лишения.

– Потому что у нас в Раппине нет причальной мачты, – терпеливо сообщил я прекрасно известный ей факт. – Я понимаю, милая, что ты бывалая воздушница и не любишь путешествовать по земле, но иногда приходится идти против себя.

– Вполне можно обойтись и без мачты!

– Да, я так и представляю, как баронесса карабкается по верёвочной лестнице, демонстрируя ошеломлённым подданным очаровательные виды.

– Какие ещё виды, Кени? – поморщилась она. – Я же не в юбке буду лезть.

Я скептически приподнял бровь, демонстративно рассматривая её модные тесные штаны, достаточно откровенно обрисовывающие фигуру. Ленка презрительно фыркнула и отвернулась.

– К тому же нам там всё равно потребуется машина, – добавил я.

– Можно подумать, мы бы на месте не нашли какую-нибудь машину.

– В Раппине? Разве что военный грузовик. Конечно, не грузовик красит человека, но всё же я думаю, что это неподходящий вариант для визита к епископу Дерптскому.

– Значит, надо построить мачту наконец!

– Это замечательно, что ты вызвалась, милая, – обрадовался я. – Займись этим, я прикажу выделить средства на это строительство из резервного бюджета.

Ленка возмущённо засопела, но промолчала.

– Прекращай капризничать, Лен, я же знаю, что ты просто не выспалась. Дорога пока хорошая – ложись на диван и поспи хотя бы до Пскова.

Она немного подумала, не покапризничать ли ещё, но в конце концов и в самом деле решила вздремнуть. Ну а я погрузился в раздумья. Как-то неожиданно вышло так, что мне приходится балансировать между сильными мира сего. И главная проблема здесь состоит в том, что я-то к сильным мира сего даже близко не отношусь. Причём я совершенно не желал во всё это влезать, но меня незаметно затянуло туда, как неопытного пловца сильным течением. И сейчас мне приходится мучительно размышлять, как учесть интересы всех участников и выплыть пусть и без прибыли, но хотя бы без потерь.

За всеми этими невесёлыми мыслями я и сам не заметил, как задремал. Проснулся я, только когда мы пересекали мост через Вярску⁸. Ленка тоже зашевелилась.

– Где мы, Кени? – спросила она, зевая и аристократически прикрывая рот ладошкой.

– Уже в баронстве, через полчаса будем в Раппине. Можешь ещё немного поспать.

– Не хочу, – бодро ответила Ленка. – Что у нас планируется в баронстве?

⁸ Вярска – речка, соединяющая маленькое озеро Ырсава с Псковским озером.

– Мне надо поговорить со старейшинами лесных. Ну и вообще посмотреть, как дела в баронстве. Ну а что касается тебя, то я хочу, чтобы ты проинспектировала баронскую стражу – как учатся, как служат, с чем у них хорошо, а что можно улучшить – в общем, всё.

– Проинспектирую, – согласилась она. – А почему именно со старейшинами?

– Можно в крайнем случае и с Вороном, мне просто не хочется с ним дело иметь. Слишком он хитрый – и дурак при этом. Дятлом его бы звать, а не Вороном, промахнулись лесные с именем.

До самого Раппина мы лениво переговаривались о пустяках. Наконец лимузин, покачиваясь на стыках настила, преодолел мост через Выханду, и перед нами открылся величественный фамильный замок. Величественный по отношению к соседним курятникам, конечно же. Я с удивлением обнаружил, что управляющий ждёт нас у ворот. «Он что, с утра здесь стоит?» – мелькнула мысль, но потом мой взгляд упал на телефонные провода, тянущиеся в замок, и ответ стал очевиден. Ну хоть обошлись без костров на дозорных башнях, всё-таки прогресс – великая вещь.

– Здравствуйте, почтенный, – приветствовал я управляющего.

– Ваша милость барон, ваша милость баронесса, – поклонился Фальк. – С приездом! Обед вас ждёт, позвольте проводить.

– А и пообедаем, – охотно согласился я, и Ленка тоже оживилась.

Есть всё-таки своя прелесть в простых сельских обедах в стиле Молоховец⁹, как наши предки едали. Ну, в тех, где шесть перемен блюд и кулебяки о четырёх углах. Жаль только, здоровья нужно много для таких обедов – измельчали потомки, что ни говори. Наконец мы доползли до десерта.

– Благодарю, почтенный Леннарт, – с признательностью кивнул я управляющему. – А расскажите-ка нам что в баронстве делается. Какие достижения, какие проблемы?

– Да в общем-то, никаких проблем, ваша милость, – степенно отвечал управляющий. – Все работы идут по плану, в бюджет в целом укладываемся.

– В целом?

– Где-то небольшой перерасход, а где-то и экономия выходит. В среднем укладываемся, если по итогу и разойдёмся в какую-то сторону, то совсем незначительно.

– Отрадно это слышать, почтенный, – одобрительно заметил я. – Как там лесные? Хлопот не доставляют?

– Сидят тихо, ваша милость. Немного торгуют с крестьянами, а так и носа из своего леса не показывают.

– Из моего леса, – уточнил я. – А чем торгуют?

– Железо покупают простое – ножи, топоры, гвозди. А в основном продукты, главным образом молочные. У них там в лесу коров нет, крестьяне говорят, они оленях доят. Ну может, и врут.

– Оленях? – поразился я. – Оригинально. Надеюсь, оленихи не возражают. А что про нашу новую стражу скажете? Как она работает?

– Замечательно, вот прямо замечательно, – оживился Фальк. – Оказывается, есть у нас в баронстве преступники, есть! Точнее сказать, были. Крестьяне, как выяснилось, просто не жаловались, потому что считали, что это бесполезно. А сейчас все видят, что в баронстве есть закон. Старый Кай Песонен за здоровье вашей милости каждый день молитвы возносит.

– Он, судя по всему, очень томился бездельем, – согласно кивнул я, – и вот, наконец, нашёл себя.

⁹ Елена Молоховец – автор знаменитой кулинарной книги 1861 г., по праву считается классиком русской кулинарной литературы. Некоторые рецепты и рекомендации оттуда способны вогнать современного человека в полное изумление.

– Именно так, ваша милость, – подтвердил управляющий, – именно нашёл себя. Новую тюрьму содержит идеально, не у всякой хозяйки такой порядок в доме.

– Как с преступниками поступаете?

– Как положено, выборные судьи дела разбирают. Решают по имперским уложениям да по заповедям господним. Глаз за глаз, и всё в таком духе. Убийц вешаем, воров на первый раз в тюрьму, а на второй тоже на виселицу. Ну вообще по обстоятельствам, конечно, смотрим.

– Что, и убийства были? – порядком изумился я. Это здорово расходилось с моим представлением о баронстве, как о глухой дыре, где никогда ничего не происходит.

– Два было, оба из ревности. Один жену убил, другой соседа. Повесили, конечно. Вот кстати говоря, раз уж мы про преступников заговорили. Случилось у нас тут сложное дело, а наши выборные всё же люди простые, вряд ли смогут правильно рассудить. Здесь надо бы баронским судом решить.

– Ну рассказывайте, почтенный, что за сложное дело такое, – поощряюще кивнул ему я.

– Контрабандисты, ваша милость.

– Опять от лесных возили? – у меня резко испортилось настроение.

– Никак нет, ваша милость. Скупали у крестьян молочные продукты – сметану, сливки, творог, – и вывозили в Дерпт и дальше, до самой Риги. Стража как начала это дела распутывать, обнаружила семнадцать тайных хуторов с молочными фермами. Ну как тайных – все соседи знали, конечно, но молчали. А скорее всего, тоже тайком участвовали – деревня налоги платит, но там коров, считай, и нет. Все коровы на хуторе, а мы про него и не знаем. То есть выгодно всем – фермы налог не платят, поэтому цены низкие держат, а скупщики тоже без пошлины вывозят. Всем сплошная выгода, один только барон в убытке.

Ну надо же – контрабанда сметаны и сливок, прямо по заветам кота Матроскина! Такое, наверное, только в Ливонии возможно. Представляю, какие щёки наели эти негодяи на баронской сметанке.

– И в самом деле безобразия, – согласился я. – Ну что ж, рассудим.

Негодяи, однако, оказались на удивление худыми – видно, не впрок пошли краденые сливки.

– Попались, злодеи, – ласково поздоровался с ними я. – Как говорится, сколько верёвочке ни виться... Вот и вам тоже конец пришёл.

Злодеи рухнули на колени и взмолились, обращаясь почему-то к Ленке:

– Пощадите, ваша милость! Мы люди маленькие, что нам приказали, то мы и делали!

Им, похоже, уже объяснили, кто здесь ангел кротости, а кто головы отрывает. В общем-то, так и планировалось, но всё же немного обидно быть пугалом.

Ленка от этих мольб слегка растерялась и зашептала мне на ухо:

– Что мне говорить?

– Ничего, просто делай доброе лицо, – шепнул я ей в ответ. – Изредка шепчи мне на ухо что-нибудь, вроде как просишь о чём-то.

– Ты слишком добра к этим прохвостам, дорогая, – громко заявил я нахмурившись. – У них же на мордах написано, что они закоренелые преступники и не желают раскаиваться.

Преступники начали наперебой уверять меня, что они-то как раз горячо желают раскаяться.

– Значит, говорите, что сожалеете о своих преступлениях, – с сомнением сказал я. – Возможно, я вам и поверю, если вы искренне ответите на мои вопросы. Но учтите – хоть один намёк на ложь, и вы немедленно идёте на виселицу, и на заступничество баронессы можете даже не надеяться. Вам понятно?

Несчастные закивали так яростно, что я слегка испугался, как бы у них не оторвались головы. В результате краткого допроса выяснилось, что это выгодное дельце затеял рижский купец Юрген Хольц, который держал оптовую торговлю молочными продуктами, а пойманные

преступники были младшими приказчиками, которые, собственно, и вывозили закупленный товар.

– Так вы, наверное, не только у нас закупаете? – любопытствовал я.

– В основном у вас, другие пошлинами обкладывают.

– Ну да, мы-то не обкладываем, – саркастически заметил я. – Сколько с вас Нейгаузен берёт?

Собеседник замялся, видимо, это было коммерческой тайной. Я вопросительно поднял бровь и посмотрел на Кая Песонена, стоявшего сзади арестованных.

– Десятую от стоимости товара, – торопливо сказал второй.

– Неплохо он с вас имеет, – хмыкнул я. – А что берёт мать Тереза из Ольденторна?

На это раз замялись оба, наконец тот, что послабее, нерешительно ответил:

– Преподобной много требуется на разные богоугодные дела...

Насколько я понимаю, с высокого христианского на наш простой языческий это переводится как «жадная тварь». По всей видимости, она даже твёрдый процент не устанавливает, а дерёт, сколько удастся содрать.

– Ладно, Христос с ними, с богоугодными делами, не мне в такие высокие материи лезть, – великодушно махнул рукой я. – Я выслушал суть дела и вынес такое решение: раз уж за вас просит сама баронесса, вас я отпускаю без наказания...

Арестанты выглядели так, как будто готовы упасть в обморок от счастья.

– ... Купцу же Юргену Хольцу надлежит выплатить разумный штраф, который назначит ему мой управляющий Леннарт Фальк. В дальнейшем я дарую ему право вывозить закупленный товар беспошлинно, однако при условии, что он будет подавать подробные декларации, сколько, чего, и за какую цену закуплено. Будут проводиться регулярные проверки, и если выяснится, что данные подаются неверные, право на беспошлинную торговлю может быть отозвано. Да если он посмеет меня обманывать, то я, пожалуй, опять пошлю в Ригу своих парней, а потом буду иметь дело с его наследником. Надеюсь, этот ваш Хольц понимает намёки. Почтенный Леннарт, сметану и прочее, что они там назакупали, мы конфискуем. Пристройте это куда-нибудь – в школу передайте, в лечебницу, малоимущим раздайте. На этом всё, увольте их, почтенный Кай, и верните им их грузовик, пусть едут к своему купцу.

Когда Кай увёл счастливых приказчиков, Фальк осторожно меня спросил:

– Извините, ваша милость, но может стоило бы хоть пять процентов с них брать?

– Сейчас купец только у нас закупает. Оттого у нас и новые фермы появляются, потому что хороший спрос есть. Обложим его пошлиной – он к соседям уйдёт. Пусть лучше наши крестьяне богатеют, мы своё налогом с них возьмём, они-то никуда не денутся. И вообще, с тех, кто покупает товар у наших подданных, мы пошлин брать не будем. И штраф, кстати, с купца возьмите символический, просто чтобы порядок напомнить. Я думаю, пяти тысяч пфеннигов будет достаточно.

– Наверное, вы правы, ваша милость, – со вздохом согласился управляющий.

– Да не беспокойтесь вы, почтенный, – успокоил его я. – Мы уже совсем скоро начнём в прибыль выходить. И кредиты вернём. Нам сейчас важнее основы будущего богатства заложить, а не пытаться урвать что-то со всех, с кого можно.

* * *

Мы шли к лесу уже знакомой тропинкой, увлечённые беседой.

– Что расскажешь про стражу, Лен?

– Посмотрела я на них. Там всё печально, Кени. К нашим-то ратникам вопросов нет, а вот новички, которых мы из местных набрали... Парни рассказывали – еле-еле отучили их зажмуриваться перед выстрелом.

– Крестьянские дети, третьи сыновья, которым деваться больше некуда, – кивнул я. – Я, в общем-то, от них никаких чудес и не ждал. Главный вопрос: когда мы сможем отозвать наших дружинников и всё взвалить на местных?

– Знаешь, Кени, у меня такое ощущение, что никогда.

– Никогда – не ответ, – вздохнул я. – Мы платим нашим ратникам боевые за то, что они служат в здешней страже и учат местных, но даже так они не согласятся сидеть здесь годами. Вообще не представляю, что здесь делать – может, искать четырнадцатилетних сирот и отдавать их в школу Лазовича? Сколько мороки с этим баронством – я уже проклял себя за то, что выдавил его из папы. Жадный всегда дурак – напоминай мне об этом почаще, Лен.

За разговором я и не заметил, как мы подошли к кустам.

– Эй ты, за шиповником, – громко сказал я, посмотрев в сторону группы раскидистых кустов, усыпанных крупными оранжевыми ягодами, – позови Росомаху или Бобра, а лучше обоих. И давай побыстрее.

Из-за кустов послышалось тихое, но вполне различимое возмущённое фырканье, но комментариев не последовало, а затем огонёк, излучающий чувство негодования, начал быстро удаляться.

– Не устаю поражаться этому лесу, – заметил я, усаживаясь на удобное брёвнышко. – Везде деревья уже голые, а здесь всё зеленеет, как в июле.

– Здорово в таком лесу жить, наверное, – завистливо вздохнула Ленка, уминаясь рядом.

– Насчёт этого не уверен, – хмыкнул я. – Ванная в ручейке и туалет под кустом даже в волшебном лесу удовольствие сомнительное.

– Нет в тебе романтики, Кени.

– Нет, – печально согласился я. – Зато у меня есть жена, в которой романтики как раз хватает на нас двоих.

Мы сидели и ждали молча, наслаждаясь запахом летнего леса, таким необычным посреди глубокой осени. Через полчаса мы наконец почувствовали приближение нескольких сознаний.

– Интересно, Кени – эмоций они почти не излучают, а мы их чувствуем, – с лёгким удивлением отметила Ленка.

– Я тоже заметил, что мы в последнее время стали как-то иначе чувствовать, – подтвердил я. – Надо бы как-нибудь спокойно разобраться, что же мы умеем.

Тут из-за кустов показалась группа лесных, и разговор сам собой отложился до лучших времён. Росомаха, Бобёр и неизменный Ворон – впрочем, я был уверен, что без него не обойдётся, так что совершенно не удивился.

– Зачем вы нас вызвали? – хмурясь потребовал ответа Росомаха. Рядом хмурился Бобёр, а Ворон скромно держался чуть позади и помалкивал. Я с интересом заметил, что хмуриться-то старейшины хмурились, но никаких отрицательных чувств не испытывали, зато в эмоциях прослеживалось лёгкое любопытство. Наверное, скучно им в лесу, а тут выпал случай поболтать с новыми людьми.

– Затем, чтобы поговорить, – рассудительно сказал я. – Разве это не очевидно?

– От нас разговаривает Ворон.

– Почтенный Ворон несколько утратил моё доверие, – с сожалением объяснил я. – Поэтому я хочу, чтобы все наши договорённости подтверждались старейшинами племени Вербы – во всяком случае, до тех пор, пока доверие не восстановится.

Старейшины нахмурились уже всерьёз, а у Ворона лицо сделалось таким кислым, будто он съел лимон. Всё-таки одичали они в своём лесу – ну куда это годится, чтобы у вождя племени все чувства были написаны на лице?

– Не надо этих «почтенных», – сменил тему Росомаха. – У нас так не принято. Называйте просто по имени.

– Ну раз у нас такая дружба, то разрешаю называть нас просто «барон» и «баронесса», – согласился я. – Но разумеется, только в приватном разговоре. При посторонних исключительно «господин барон» и «госпожа баронесса». Или «ваша милость».

– С чего бы нам так вас величать?

– С того, что мы являемся владельцами земли, на которой вы живёте. С того, что вы приносили нам присягу верности. И с того, что мы не можем позволить вам обращаться к нам неуважительно в присутствии наших подданных. Могу ещё что-нибудь добавить, но думаю, этих причин более чем достаточно.

Лесные помрачнели, и в эмоциях уже явно прослеживалось раздражение. Ничего, пусть привыкают.

– Здесь не Рифеи, почтенные. Здесь у каждой кочки есть владелец, и если вы хотите жить в этих краях, вам придётся так или иначе встроиться в здешнее общество и соблюдать принятые нормы.

– Так о чём вы хотите поговорить, барон? – недовольно поморщившись, решил прекратить неприятное обсуждение Росомаха.

– Мне тут рассказали, что вы олених доите...

– Мы всех доим, – с некоторым удивлением от предложенной темы ответил тот.

– Звучит угрожающе, – хмыкнул я, – я даже немного встревожился. Но я, собственно, к чему это спрашиваю – может, вам коров привезти?

– Не надо нам коров, – вздохнул Росомаха. – Некому у нас за ними ухаживать. И кормов для коров у нас нет.

– А, понимаю. Для сена луга нужны. Или кукурузу¹⁰ выращивать под силос.

– Нам проще у крестьян покупать.

– Ну проще, так проще, – пожал плечами я. – Деньги вам неплохие идут с ваших огородов, так что можете себе позволить. Но если что-то нужно из того, что у крестьян не купить, обращайтесь.

– И цена, конечно, будет соответствующей? – язвительно осведомился Ворон.

Ну вот – раскрыл рот только для того, чтобы сказать глупость. Я демонстративно закатил глаза.

– Цена будет минимальной, Ворон. Я дворянин, а не торговец, и свои доходы получаю не с торговли, а с налогов подданных.

Заявление немного спорное, если вспомнить ту же зеленую лавку, но я предпочёл не вдаваться в нюансы, чтобы не усложнять.

– Действительно, есть у нас нужда, барон, – неохотно сказал Росомаха. – Нам необходимо электричество.

– Электричество? – поразился я. Мы с Ленкой переглянулись в полном изумлении.

– Электричество? – повторила она.

– Что вас так удивляет? – не понял Росомаха.

– Зачем вам электричество? – с недоумением спросил я.

– Для освещения, для отопления, – интонации у него были, как при разговоре с маленьким ребёнком. – Бытовую технику мы используем, инструменты электрические. Позже нам кое-какие станки потребуются, для них тоже электричество нужно. Что не так?

– Как-то плохо я себе представляю электрические фонари в волшебном лесу. Скорее в голову приходят какие-нибудь разноцветные волшебные фонарики.

¹⁰ Кукуруза происходит из Америки. В мире Кеннера торговля с Америкой не особо активна, но всё же существует, так что в Европе хорошо известны и кукуруза, и помидоры, и картофель.

– Откуда вы такую чушь взяли, барон? – сморщил нос тот. – Мы, по-вашему, кто – дикари, которые в шкурах бегают? У нас, правда, не всякое оборудование работает, но мы многое используем.

– А ваши в Рифеях тоже электричеством пользуются? – пришёл мне в голову вопрос. – Где они его берут?

– У вашего князя покупают, где же ещё? Ещё маленькие гидрогенераторы ставим на ручьях, но это только летом, да и вообще толку от них немного.

– А станки вам для чего?

– Наше племя раньше на паучьем шёлке специализировалось, вот его и хотим опять делать.

Я, конечно же, знал паучий шёлк – редкую и очень дорогую материю. Ленка заказывала пару платьев из паучьего шёлка, и даже для нас цена кусалась.

– А он в самом деле пауками производится? – любопытствовал я.

– Помилуйте, барон – зачем нам в своём лесу столько пауков? – усмехнулся Росомаха. – И где мы наловим столько мух, чтобы их прокормить? Это специальным образом обработанные волокна – и это вся информация, которую я могу вам сообщить.

Если задуматься, то всё правильно, так и должно быть. Наверное, меня сильно сбило с толку разное фэнтези, которое создало представление об эльфах, как о воздушных существах, которые занимаются в основном тем, что поют прекрасными голосами. Ну и едят свой лембас, которого уходит так мало, что его и выпекать-то нужно лишь изредка. А ведь общество, базирующееся на кустарном производстве, не может нормально развиваться – оно ещё способно прокормить само себя, но излишков на учёных, художников, музыкантов и прочую непродвинувшую публику уже не остаётся. Ну а маленькая группа с кустарным производством просто неизбежно вырождается до уровня дикарей.

Отсюда вытекает несложный вывод – лесные неспособны существовать автономно, а вынуждены так или иначе встраиваться в общество. И как только они встроятся, они никуда уже не денутся – примерно, как обычный человек не бросит квартиру, семью и работу, и не уйдёт рубить себе хижину в глухой тайге. Ну, кто-то, может, и уйдёт, как вот люди Ворона от князя ушли, но такие случаи редкость. Остальные лесные сидят у князя под крылом и никуда не собираются. А ещё один важный вывод состоит в том, что если я привяжу к себе лесных экономическими связями, то это будет гораздо надёжнее любых договорённостей с Вороном или старейшинами.

– Электричества в баронстве нет, – покачал я головой. – На будущее мы думаем поставить электростанцию на торфе, но это далёкие планы. В настоящее время мы покупаем электричество в Дерпте. Недалеко от Ахья у нас стоит высоковольтная подстанция, от неё можно сделать линию к вам. Но вам в лесу всё равно надо ставить трансформатор, потому что завести в лес придётся напряжение промышленного стандарта. Если у вас нет своих электриков, думайте, как создать в лесу нормальные условия для рабочих, которые этот трансформатор будут ставить и обслуживать.

– Так вы сделаете для нас линию?

– С чего бы вдруг? – удивился я. – Вы слишком много слушаете Ворона. Он почему-то решил, что может меня доить, как олениху, и выжимать из меня деньги в обмен на какие-то мутные обещания. Так вот, он ошибается. Свою линию вы построите на свои деньги, и содержать её будете тоже на свои. Мы можем только поговорить о займе, но опять же, не рассчитывайте получить деньги просто так. Будет договор с твёрдыми обязательствами и штрафными санкциями.

А ещё я подумал, что если у них в баронстве будет дорогостоящее недвижимое имущество в виде линии электропередачи, им гораздо сложнее будет опять куда-нибудь сорваться.

– Но я уверен, что мы решим все проблемы, – жизнерадостно добавил я, разглядывая помрачневшие лица собеседников. – Подготовьте свои расчёты – сколько энергии вам требуется сейчас и сколько потребуется в будущем. Ну а я пришлю наших специалистов, которые уже и обсудят конкретные моменты. Я сам, например, сейчас даже не могу сказать, есть ли у нас на подстанции свободные мощности, или придётся её расширять.

– Подготовим, – вздохнул Росомаха.

– Давайте теперь поговорим насчёт алхимии, – предложил я. – Какие у вас успехи на этом направлении?

– Пока работаем над этим, – степенно начал тот, – но дело можно заметно ускорить...

– Денег не дам, – прервал его я. – Я же сказал, что не стоит пытаться меня подоить, что вам тут непонятно? Мне вообще ваша алхимия не особо интересна. Будет она завтра или через десять лет – для меня большой разницы нет. Я просто хочу получить представление о сроках, чтобы как-то планировать свои действия.

– Года через три-четыре сможем сделать немного простых эликсиров, – после некоторого колебания и переглядывания Росомаха всё-таки решился ответить честно. – У нас было слишком мало семян, для расширения плантаций нужно время. Более полный набор сможем производить лет через восемь–десять, когда подойдут многолетние растения.

– Вот это больше похоже на правду, – с удовлетворением кивнул я. – А то Ворон мне всё какие-то сказки рассказывал.

Глава 6

– Здравствуйте, отец Альберто, – поздоровался я с секретарём епископа. – Я просил его преосвященство о встрече.

– Здравствуйте, барон, – кивнул мне тот. – Его преосвященство вас ждёт, проходите.

Епископ встретил меня приветливой улыбкой и не поленился подняться навстречу.

– Здравствуйте, здравствуйте, барон! Давно о вас ничего не было слышно – надеюсь, у вас всё в порядке? Как дела в баронстве?

– Всё в порядке, ваше преосвященство, здравствуйте! В баронстве тоже всё хорошо, развиваемся. Впрочем, вы и сами это видите по нашим налогам.

– И в самом деле, – расцвёл фон Херварт. – Вы совершили просто чудо, барон. Совершенно не удивлюсь, если через год-другой Раппин станет самым богатым баронством епископства, а то и всего архиепископства.

– Или даже всей Ливонии, – скромно добавил я.

– Орденские территории не считаем, – отмахнулся епископ. – Солдафоны никогда не умели вести хозяйство. Вот пограбить у них всегда замечательно получалось. Но Господь с ними, с рыцарями – чем я могу вам посодействовать, барон?

– Вы и впрямь можете посодействовать, ваше преосвященство. Скажите, как бы отнеслись вы к установлению неких экономических связей с Новгородским княжеством?

– У нас есть экономические связи, – он посмотрел на меня с некоторым недоумением. – Люди князя владеют частью Рижского порта, да и у ордена имеются интересы в княжестве.

– Рижский порт не принадлежит церкви, компаньонами князя там выступают в основном альдерманы¹¹ Риги, – я улыбнулся и добавил: – А солдафонов мы, кажется, договорились не считать.

– Ах, вот вы о чём, – задумался фон Херварт. – Здесь всё непросто. Прямого сотрудничества с княжеством у архиепископства действительно нет.

– Я думаю, от улучшения отношений выиграет и церковь, и княжество. Впрочем, я не предлагаю именно прямое сотрудничество. Думаю, время для этого ещё не пришло. Однако почему бы не начать с малого?

– И вы полагаете, что являетесь наиболее подходящим посредником? – с лёгкой иронией спросил епископ.

– Вы знаете кого-то, кто лучше подходит на эту роль? – ответил я вопросом на вопрос.

– Среди новгородских дворян не так уж мало христиан, – улыбнулся мне фон Херварт.

– Но никто из них не обладает ни малейшим политическим влиянием, – я вернул ему улыбку. – Скажу вам больше, ваше преосвященство – никто из них не получит герба, будь у него хоть сотня поколений благородных предков. Среди нашего гербового дворянства нет и не будет христиан, во всяком случае, в обозримом будущем. Те псковские события¹² вовсе не забыты, и любой аристократ, завязавший слишком тесные контакты с церковью, немедленно станет отверженным.

– А вы, значит, не станете?

– Я ливонский барон, и для меня совершенно естественно встречаться с моим сюзереном. Да и с другими иерархами, раз уж у меня есть владения в церковных землях. И не будем ещё

¹¹ В данном случае альдерманы – это городские старшины.

¹² О тех событиях упоминается во второй книге цикла: «Около тысячи лет назад одна из христианских сект попыталась устроить религиозные волнения в Пскове. Туда прибыли пятеро Высших, которые уничтожили все псковские храмы Христа и убили всех, принявших участие в волнениях – от местного верховного жреца до простых прихожан. Христианского храма в Пскове нет до сих пор, и христианство там не поощряется».

забывать о нашей имперской родне. Мои контакты не вызывают никакого подозрения, скорее наоборот, князь готов ими воспользоваться в своих интересах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.